

Кэти М. Ди

В ОБЪЯТИЯХ НАВИ.
Невеста с приданым

Навь

Кэти Ди

**В объятия НаВи.
Невеста с приданым**

«Автор»

2026

Ди К. М.

В объятия НаВи. Невеста с приданым / К. М. Ди — «Автор»,
2026 — (Навь)

Что делать, если вместо пятизвёздочного отеля ты попала в дремучее славянское фэнтези, а вместо карамельного латте тебя окатило заговорённым Навым взваром? Правильно — не паниковать и спасать косметику! Валерия, обычный секретарь из Москвы, из-за чужих деревенских разборок стала официальной невестой Лешего. Связи нет, асфальта нет, зато есть два огромных чемодана с патчами и стальные нервы. Пока местная ведьма пытается спрятать попаданку от Хозяина леса, сама Лера уже вовсю оптимизирует процессы в избушке и строит кикимор по КРІ. Леший думал, что получит покорную жертву, но он ещё никогда так сильно не ошибался

© Ди К. М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Гори оно всё синим пламенем, у меня отпуск!	5
Глава 2	10
Сладкий взвар и горькая зависть	10
Глава 3	15
Стресс-интервью в Вербицах	15
Глава 4	19
Клиент всегда прав, даже если он ведьма	19
Глава 5	23
Джинсовый манифест и ведьмин аудит	23
Глава 6	28
Глава 7	33
Кастинг для синеглазого и ведьмины пророчества	33
Глава 8	37
Эстетический кризис и утренние стандарты	37
Глава 9	42
Глава 10	48
Переговоры на пороге и дедлайн от Хозяина	48
Глава 11	51
Логистический ад и отмена записи	51
Глава 12	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Кэти Ди

В объятия НаВи. Невеста с приданым

Глава 1

Гори оно всё синим пламенем, у меня отпуск!

Глава рекламного холдинга «Авангард» напоминал растревоженный муравейник, в который кто-то плеснул литром двойного эспresso. Стены из стекла и бетона, панорамные окна с видом на деловой центр, дизайнерские пуфы неоновых цветов и бесконечный гул. Где-то в глубине опенспейса креативщики яростно спорили, можно ли использовать образ розового гуся для рекламы строительной компании, а менеджеры по продажам висели на телефонах, обещая клиентам «золотые горы и луну в подарок».

Валерия сидела на своем законном рабочем месте — за огромной стойкой ресепшена из белого искусственного камня. Это было её королевство. Перед ней высился новенький моноблок, на котором каждые три секунды всплывали уведомления, стоял органайзер с идеально заточенными карандашами и чашка с остывшим зелёным чаем.

Сама Лера сегодня выглядела как сошедшая с обложки глянца: идеальный вечерний смоки-айс, уложенные локоны и роскошное изумрудное платье-комбинация из натурального шёлка, которое выгодно подчеркивало фигуру. На ногах красовались умопомрачительные шпильки Christian Louboutin — одиннадцать сантиметров чистой гордости и боли. Лера оделась так не просто так: сразу после работы она планировала заскочить домой за собранным чемоданом и рвануть в аэропорт. Завтра утром её ждало море, белый песок и две недели полного цифрового детокса.

Внутренний таймер Леры вёл обратный отсчет. До конца рабочего дня оставалось ровно семь минут. Она уже мысленно пила «Пина Коладу» под шум прибора, как вдруг селектор на столе зашёлся истошным писком.

— Валерия! Срочно ко мне! И захватите папку по тендеру «РосМясоПром»! — проорал из динамика голос генерального директора, Аркадия Борисовича.

Лера глубоко вздохнула, досчитала до трех, сохраняя на лице профессиональную улыбку «я-рада-вам-помочь-пожалуйста-умрите», и нажала кнопку ответа:

— Аркадий Борисович, папка у вас на почте. И на вашем столе. И в трех дубликатах у ваших замов.

— Валера, не умничайте! Тут правки от клиента! Они хотят, чтобы сосиски на баннере выглядели «более патриотично и духовно»! Срочно несите документы, нужно переписать концепт!

Лера закатила глаза так сильно, что едва не увидела собственный мозг. Она поднялась со стула, изящно поправила шёлковую юбку и поплыла в кабинет босса. Каблуки уверенно и хищно цокали по дороговому ламинату.

В кабинете директора царил хаос. Аркадий Борисович, мужчина пятидесяти лет в растёгнутом дорогом пиджаке и с галстуком набок, яростно листал распечатанные макеты.

— Вот! Посмотри на это! — он ткнул пальцем в изображение сосисок на фоне триколора. — Клиент говорит, неубедительно! Надо добавить... не знаю, берёзок! Или куполов на задний план! Валерия, свяжись с дизайнерами, пусть переделают до утра.

Лера подошла к столу, плавно забрала из его рук многострадальный макет и посмотрела на наручные часы. Ровно 18:00.

— Аркадий Борисович, — её голос прозвучал мягко, но в нём отчетливо слышался хруст ломающегося льда. — Моё рабочее время официально окончено. Через три часа у меня регистрация на рейс. Завтра в это же время я буду лежать на шезлонге, и единственное «РосМясо», о котором я буду думать — это сочный стейк средней прожарки.

— Валера, какой отпуск?! У нас дедлайн! Проект горит! — директор умоляюще уставился на неё. — Ну кто, кроме тебя, может успокоить этих сумасшедших из отдела дизайна? Они же без тебя снимут анимацию, где сосиски танцуют калинку-малинку!

— Для этого у вас есть три проектных менеджера и целый штат аккаунтов, — Лера лучезарно улыбнулась и аккуратно положила папку обратно на стол. — Заявление на отпуск подписано вами лично еще месяц назад. Чемодан ждёт у двери. Билеты в сумочке. Так что, Аркадий Борисович, при всём уважении к духовным сосискам — гори оно всё синим пламенем. До встречи через две недели.

— Валерия, это саботаж! — крикнул он ей вдогонку, но Лера уже выходила из кабинета, победно цокая шпильками.

Вернувшись к ресепшену, она одним решительным движением выключила монитор. Экран погас, унося с собой сотни неотвеченных писем, рабочих чатов и неадекватных правок. Лера подхватила свою сумочку, проверила в зеркале макияж — смоки-айс держался намертво, помада не размазалась.

— Ну всё, море, встречай свою королеву, — прошептала она, накидывая на плечи легкий тренч.

Дорога до дома превратилась в суровый логистический квест под названием «Успей за сорок минут, пока Москва окончательно не встала в глухие девять баллов». Лера ворвалась в свою квартиру как ураган. Счёт шёл на секунды. Тренч полетел на пуфик в прихожей, а сама она на ходу скидывала рабочую одежду, направляясь напрямик в ванную.

Горячий душ за рекордные четыре минуты смыл с неё весь офисный стресс, запах чужих распечатанных макетов и духовные сосиски Аркадия Борисовича. Выскочив из ванной, Лера критически осмотрела себя в зеркале.

— Так, Валерия, расслабляться рано. Начинаем операцию «Эстетика», — скомандовала она себе.

Первым делом — волосы. Её фирменное угольно-чёрное каре требовало идеальной геометрии. Лера вооружилась утюжком для волос, выпрямляя прядь за прядью с такой дотошностью, будто от этого зависел годовой контракт холдинга. Волосы легли волосок к волоску, зеркальным шёлком обрамляя лицо.

Следом пошёл макияж. Старый смоки-айс был безжалостно смыт, а на его месте развернулось настоящее бьюти-искусство. Лера вывела такие безупречные, острые чёрные стрелки, которыми можно было буквально резать стекло, наложила сияющий хайлайтер и завершила образ ультра-стойким блеском от Fenty Beauty с эффектом жидкого стекла.

Финальный штрих — одежда. Лера достала из шкафа лёгкое, струящееся изумрудное платье-комбинацию на тонких бретельках. Шёлк прохладной волной скользнул по коже. На ноги она надела сногшибательные чёрные босоножки на тончайшей шпильке. Да, лететь в самолёте на каблуках — преступление против комфорта. Но Лера была непреклонна: она обязана выйти в терминал прилёта южного курорта так, словно сошла с подиума, а не выползла из эконом-класса после двух часов турбулентности.

— Идеально. Мужчины, держитесь, — ухмыльнулась она отражению.

Оставалось самое страшное — чемоданы. Их было два. Огромных. Ярко-розовых.

Лера подошла к ним, мысленно пересчитывая содержимое: «Патчи — три упаковки, фен с диффузором — есть, аптечка на все случаи зомби-апокалипсиса — на месте, четырнадцать нарядов на четырнадцать дней — упакованы». Закрыв замки с титаническим усилием и едва не сломав идеальный маникюр, она схватила ручки обоих гигантов.

Выкатывать два огромных чемодана из квартиры на шпильках, удерживая равновесие — это вам не презентации перед инвесторами защищать. Это была высокая эквилибристика.

— Так, левой, правой, держим спину, не падать! — бормотала Лера, катя свои розовые танки по коридору подъезда. — Если я выжила три года на ресепшене «Авангарда», меня никакой багаж не ломает.

Кое-как дождавшись лифта и спустившись вниз, она буквально вывалилась на улицу, где её уже ждало жёлтое такси класса «Комфорт плюс». Водитель, увидев шикарную девушку в изумрудном шёлке, которая уверенно шагает по асфальту на умопомрачительных шпильках и тащит за собой два баула, тут же выскочил из машины с округлившимися глазами.

— Девушка, давайте помогу! Вы как картинка, куда же вы с такими тяжестями? — всплеснул он руками, перехватывая чемоданы.

— В аэропорт, дорогой, в аэропорт! Навстречу счастью и полному отсутствию интернета! — весело отозвалась Лера, изящно запрыгивая на заднее сиденье и блаженно вытягивая длинные ноги.

Машина тронулась. За окном замелькали огни вечернего города, а Лера закрыла глаза, уже предвкушая, как через несколько часов она пройдёт через гейт, шагнёт на телтрап и окажется на борту самолёта.

Жёлтая машина затормозила у залитого неоновыми огнями терминала Шереметьево. Лера вышла из салона, вдохнула этот особенный, ни с чем не сравнимый воздух путешествий — смесь керосина, дорогого парфюма и предвкушения свободы — и победно улыбнулась.

Московский аэропорт жил своей грандиозной, суеливой жизнью. Огромное футуристическое здание из стекла и стали сверкало тысячами ламп. Потолки уходили куда-то в бесконечность, а под ними висели гигантские электронные табло, на которых сотнями строчек сменяли друг друга рейсы: Дубай, Стамбул, Мале, Бангкок. Вокруг шумел многоголосый улей. Народу было невероятно много: целые семьи с горами сумок, деловые мужчины в строгих костюмах, громкие туристические группы и стюардессы в безупречных формах, плавно катящие за собой маленькие чемоданчики.

Лера на их фоне выглядела как настоящая суперзвезда, случайно сбежавшая со съёмок рекламы. Изумрудный шёлк платья-комбинации мягко переливался под лампами аэропорта, каре лежало волосок к волоску, а чёрные стрелки делали взгляд невероятно уверенным. Окружающие невольно оборачивались, провожая глазами эту эффектную брюнетку, которая с гордо поднятой головой шла сквозь толпу.

Лера улыбалась одними глазами, хищно и целенаправленно выискивая в этом бесконечном пространстве стойки регистрации. Ей нужно было избавиться от своих розовых баулов. Катить за собой два огромных чемодана по глянцевоу, гладкому полу аэропорта было сплошным удовольствием — колёсики приятно шуршали, а шпильки Louboutin отстукивали уверенный ритм: цок, цок, цок.

Остановившись у огромной декоративной инсталляции, Лера изящным движением расстегнула брендовую сумочку. Она достала распечатанный билет, просто чтобы в сотый раз насладиться строчкой «Статус: подтверждён», и проверила время. До посадки оставался целый час — идеальный тайм-менеджмент. Затем она выудила новенький смартфон. На экране гордо светились заветные «100%». Полная батарея — символ абсолютного триумфа над рабочими буднями.

— Такое упускать нельзя, — прошептала Лера.

Она выставила руку вперед, поймала идеальный ракурс, где на заднем плане красиво размывались огни взлётно-посадочной полосы, и сделала селфи. На фото она получилась безупречно: дерзкая, роскошная и бесконечно счастливая отпускница. Спрятав телефон, Лера крепче перехватила ручки обоих розовых чемоданов и решительно пошла к нужной стойке ресепшена.

Но Москва не отпускает своих пленников так просто.

Из плотной, спешащей толпы пассажиров внезапно, словно чёрт из табакерки, вышагнул высокий мужчина. Он яростно строчил что-то в своём телефоне, вообще не глядя по сторонам, и на полном ходу, как гружёный локомотив, врезался прямо в Леру.

— Ой! — только и успела пискнуть она.

Удар был такой силы, что Леру отбросило назад. Шпилька предательски поехала по скользкому полу. В любую другую секунду она бы растянулась на глазах у сотен людей, но годы работы в рекламном холдинге выработали у неё стальную хватку. Лера мёртвой, почти спасительной хваткой вцепилась в выдвижные ручки своих тяжелых чемоданов. Розовые гиганты сработали как надежные противовесы — они удержали её на ногах, хотя спина выгнулась в опасной дуге.

Она устояла. Но радоваться было рано.

В руке незнакомца, которую он вскинул от неожиданности при столкновении, был огромный пластиковый стакан. И в следующую секунду на Леру лавиной пролился ледяной, густой кофе, щедро сдобренный карамельным сиропом.

Жидкость липким, грязным пятном ударила точно в грудь, мгновенно пропитывая изумрудный шёлк дорогого платья, пачкая шею и стекая уродливыми бурыми ручьями вниз по юбке, прямо на открытые пальцы в чёрных босоножках.

Лера замерла, глядя на то, во что превратился её идеальный образ за секунду до отпуска.

Лера замерла, боясь даже вздохнуть. Липкая, ледяная карамельная жижа медленно расплзалась по нежной ткани, превращая изумрудное шёлковое совершенство в грязную половую тряпку. Кофе стекал по ключицам, затекал под бретельки платья, а пара жирных тёмных капель умудрилась шлёпнуться прямо на её безупречный педикюр.

Она зажмурилась, сосчитала до трёх и медленно моргнула один раз. Потом второй. Третий.

«Это сон. Это просто предполётный кошмар секретаря, — судорожно крутилось в голове. — Сейчас я открою глаза, Аркадий Борисович подпишет отчёт, и я проснусь в своей чистой постели».

Она снова заморгала, надеясь, что парень с пластиковым стаканом растает как морок, а её платье вернёт свой сочный королевский цвет.

Но карамельный сироп на коже оставался до омерзения реальным и холодным. Парень перед ней уже открыл было рот, чтобы выдать дежурное:

«Ой, девушка, простите, я не хотел...», как вдруг весь мир вокруг Леры сошёл с ума.

Звук московского аэропорта — этот привычный гул сотен голосов, шуршание шин чемоданов и строгие объявления рейсов по громкой связи — резко, в одну микросекунду, выключился. Словно кто-то выдернул шнур из розетки. Глянцевый пол Шереметьево под её шпильками пошёл яростной неоновой рябью. Воздух вокруг зазвенел так, что заложило уши, а в следующую секунду Лера почувствовала, как под ней разверзлась абсолютная, глухая пустота.

Она не просто споткнулась — она в один миг словно провалилась в бездонную невидимую дыру. Живот скрутило от бешеной перегрузки, как на самых жутких американских горках, а перед глазами пронеслась круговерть из фиолетовых искр и грозowych туч.

Бабах! Хруст! Шлён!

Лера резко открыла глаза, судорожно хватая ртом воздух, словно после долгого ныряния. Руки сводило судорогой — даже в момент этого сумасшедшего падения в неизвестность её хватка не подвела. Пальцы до белых костяшек по-прежнему сжимали выдвижные ручки обоих ярко-розовых чемоданов.

Голова казалась тяжёлой, а мир вокруг был перевернут вверх тормашками. Лера попыталась пошевелиться и поняла, что её брендовая кожаная сумочка, которая до этого мирно

висела на ремешке через плечо, теперь каким-то чудом нахлобучена ей прямо на макушку, полностью закрывая обзор.

Но самым жутким было не это. Прямо под ней — под её бёдрами, шёлком платья и шпильками — кто-то яростно шевелился. Из-под Леры доносилось истошное, утробное кряхтение, переходящее в ультразвуковой, панический визг, словно там, внизу, заживо резали упитанную деревенскую свинью.

Лера единым рывком сдёрнула сумочку с головы, яростно трянула безупречным чёрным каре и вытаращилась на то, что происходило вокруг.

Вокруг Леры раскинулась самая настоящая, дореволюционная... деревня. По обе стороны грунтовой дороги, усеянной ямками и камнями, высились бревенчатые избы с резными наличниками. Пахло сеном, костром, парным молоком и навозом. На заборе ошалело замер петух, который от неожиданности подавился собственным «ку-ка-ре-ку».

Сама Лера сидела посреди этой пыльной дороги прямо верхом на перепуганной девице в холщовом сарафане и с длинной русой косой. Девица лежала на животе, упёршись носом в землю, и издавала те самые пороссячи, истошные звуки, не в силах даже пошевелиться от шока.

Рядом в пыли валялись два огромных, вызывающе-розовых пластиковых чемодана. Один из них сиротливо крутил колесиком в воздухе. Тут же валялся расколотый глиняный кувшин, из которого вытекала тёмно-красная, густая ягодная жижа.

Глава 2

Сладкий взвар и горькая зависть

Княжеский терем старосты возвышался над остальной деревней Вербицы, словно сытый коршун над гнёздами воробьёв. Срубленный из вековых, просмоленных брёвен, он сверкал на солнце резными карнизами, а его крыша была покрыта дорогой лемеховой чешуёй. Внутри царил густой полумрак, пахнувший воском, сушёной мятой и дорогими заморскими тканями.

Дочь старосты, Агафья, сидела на резной дубовой скамье у широкого окна-волока. Солнечный луч падал на её расшитый жемчугом кокошник и тяжёлую, отливающую золотом косу. В руках девушка держала деревянные пяльцы с тонким льняным полотном, выводя иглой сложный узор из шёлковых красных нитей. По крайней мере, пыталась выводить. Игла то и дело вонзалась в ткань не там, где нужно, потому что все мысли и взгляд Агафьи были прикованы к залитой солнцем деревенской улице.

Там, мерно покачивая широкими плечами, шёл Иван. Самый статный, синеглазый и завидный парень во всех Вербицах. Его русые кудри красиво трепал тёплый ветер, а белая рубашка с вышивкой на вороте подчёркивала крепкую грудь. Агафья затаила дыхание. Сердце в её груди забилось чаще, а на губах заиграла торжествующая улыбка. Она уже подалась вперед к открытому окну, открыв рот, чтобы звонко окликнуть парня и поманить его в терем...

Как вдруг из-за угла соседской избы, прямо ему навстречу, вышла Любава. Улыбка Агафьи мгновенно застыла, превращаясь в ледяную гримасу. Она до белых костяшек сжала деревянные пяльцы. Любава, завидев Ивана, тут же остановилась и принялась судорожно тереть кончик своей длинной русой косы. Щёки деревенской замарашки в один миг залил густой, девичий румянец. Иван тоже замер. Вся его напускная молодецкая уверенность куда-то испарилась — он смущённо улыбнулся, запустил пятерню в свои кудри и принялся неловко чесать затылок, переминался с ноги на ногу. Парень сделал шаг ближе, наклонился к Любаве и что-то тихо, ласково ей сказал. Любава счастливо кивнула. В следующую секунду Иван смело перехватил её маленькую ладошку, и они, звонко смеясь, наперегонки побежали вдоль деревни, скрываясь в тени цветущих лугов.

В горле Агафьи заклокотала обжигающая ярость.

— Тварь навозная... — прошипела она сквозь зубы, провожая их бешеным взглядом. — Ишь, за косу схватилась, завертелась, выдра болотная! Краснеет она! Смотреть тошно!

Агафья резко поднялась со скамьи, тяжело и часто дыша. Её грудь бурно вздымалась под парчовым сарафаном.

— Да как у него глаза-то повернулись на эту серую мышь смотреть?! Она же нищая, у неё из приданого — три облезлые курицы да дырявое корыто! Она не заслуживает такого парня, как Иван! Ей вон конюх Матвей в самый раз будет! Пусть вместе в навозе ковыряются да конские хвосты крутят, ровня под стать ровне! А Иван моим должен быть! Моим! Я княжеская дочь, мне всё лучшее полагается!

В приступе злости Агафья с размаху швырнула дорогие пяльцы на пол. Тонкий шёлк с треском порвался, а жемчужины мелким дождём раскатились по деревянным половицам. Наступив на вышивку каблуком расшитого сапожка, она решительным шагом направилась к выходу из терема.

Лицо её было бледным, а в глазах горел опасный, тёмный огонёк.

Агафья пулей выскочила на высокое крыльцо терема, тяжело хватая ртом воздух. На её холёном лице ходили желваки. Она с ненавистью поглядела в ту сторону, где за околицей, среди

золотистой ржи, только что скрылись счастливые Иван и Любава. В груди пекло так, словно туда плеснули кипящей смолы.

В этот момент мимо крыльца, высоко задирая лапы, важно шествовал огромный соседский петух. Он победно косился на Агафью своим круглым глупым глазом.

— А ну пошёл вон, пустозвон пернатый! — рывкнула княжеская дочь и со всей злости шугнула птицу носком сапожка.

Петух оскорблённо заверещал, взмахнул крыльями и, теряя на ходу перья, кубарем полетел в крапиву. Агафья же, даже не взглянув на устроенный разгром, яростно запахла душегрею и стремительно зашагала прочь со двора, направившись в строго противоположную от влюблённых сторону.

На самой окраине Вербиц, там, где деревню душили цепкие заросли чертополоха, дикой малины и крапивы в человеческий рост, сиротливо лепился к земле покосившийся домик. В народе его обходили за версту — это была обитель болотной ведьмы Матрёны. Сама Агафья отродясь к ней не обращалась. Родовитой княжне не пристало знаться с нищей каргами. Более того, когда старая ведьма раз в месяц проходила мимо терема, Агафья демонстративно плевала через левое плечо и шептала: *«Тьфу на тебя, соль тебе в глаз, чертополох в дышло!»*, лишь бы старая не успела наколдовать сглаз на её девичью красоту.

Но сейчас спесь слетела. Агафья упрямо шагала вперёд, утопая сапожками в придорожной пыли. Правда, фамильная гордость ещё боролась с нуждой: каждые десять шагов девушка пугливо оглядывалась по сторонам, проверяя, не следит ли кто за ней из-за заборов. Если в деревне узнают, куда держит путь дочка старосты, позора не оберёшься.

Убедившись, что улица пуста, Агафья взбежала на хлипкое крылечко избушки и толкнула дубовую дверь. Без стука. Как хозяйка.

В нос тут же ударил тяжёлый, удушливый концентрат запахов. Пахло печной гарью, сырым болотным мхом, резкими горькими травами и чем-то неуловимо кислым, от чего глаза Агафьи мгновенно заслезились, а в горле запершило.

— Фу, ну и вонища у тебя, карга, — с порога скривилась Агафья, брезгливо прикрывая нос шелковым платком. — Словно покойника в печи забыли.

За колченогим столом, залитым воском от сальных свечей, сидела сама Матрёна. Старуха выглядела так, будто была ровесницей здешнего леса: лицо в глубоких морщинах, похожих на трещины в коре, седые растрёпанные патлы и хитрый, цепкий взгляд живых карих глаз. Из-под её пальцев на стол сыпались сушёные головки мака и корешки. Прямо рядом с её костлявым локтем, свернувшись плотным глянцевым клубком, лениво спал огромный угольно-чёрный кот. При появлении незваной гостьи он даже ухом не повел, лишь лениво приоткрыл один жёлтый глаз и презрительно зевнул. Ведьма медленно подняла голову. На её губах заиграла насмешливая, понимающая ухмылка.

— Ой, глядите-ка, кто к моей развалюхе пожаловал! — проскрипела Матрёна, картинно всплеснув руками. — Сама Агафья Даниловна, княжеская кровь! А чего ж не плюёшься, девица-краса? Чего ж ко мне спиной не поворачиваешься, как на ярмарке? Али сапожки расшитые в нашей крапиве испачкать не побоялась?

— Замолчи, старая! — Агафья зло хлопнула ладонью по столу, отчего чёрный кот недовольно зашипел и переполз на печь. — Я к тебе по делу пришла, а не зубы твои гнилые слушать.

— По делу-у-у, — протянула ведьма, лукаво прищурившись. — Знаю я твоё дело. Сердечко-то девичье горит, аки сухая береста в костре? Иван-то наш, сокол синеглазый, мимо твоего терема чешет, да всё к Любавиному крыльцу прибивается? Горько тебе, Агафьюшка?

Лицо Агафьи от ярости пошло красными пятнами. Она подалась вперёд, почти касаясь носом ведьмина лица:

— Изведи её, Матрёна! Сделай так, чтобы глаза его её больше не видели! Чтобы исчезла она, сгинула, растворилась! Я тебе за это три серебряных гривны дам и корову дойную с отцов-

ского двора приведу! Старая ведьма тихонько захихикала, и этот звук был похож на хруст сухих веток под ногами.

— Живую душу извести — грех великий, Агаша. Да и батюшка твой меня на костре сожжёт, коли узнает. Но есть у меня одна задумка. Навьи силы нынче ночью близко к границе подошли, воздух аж звенит. Сварю я для твоей подруженьки особый взвар. Компот, по-вашему, по-молодому. Ягодки там знатные: черника болотная, волчье лыко да капля слезы покойника. Как испьёт она его или на себя прольёт — так Леший её меткой Нави пометит и в чашу свою заберёт. Навсегда. Будет ему невестой на веки вечные. Ну что, по рукам, княжна?

Агафья хищно улыбнулась. Её глаза лихорадочно блеснули:

— Вари, карга. Вари свой компот. Сегодня же Любава отправится прямиком к лесному чёрту!

Матрёна внезапно перестала хихикать. Её лицо сделалось строгим, а глубокие морщины на лбу собрались в суровую гармошку. Она внимательно, смерила Агафью взглядом с головы до ног, словно взвешивала что-то на невидимых весах, а затем покачала головой.

— Нет, княжна. Сварить-то я сварю, да только Навья магия — штука тонкая, как паутинка. Леший — хозяин чуткий. Если он в этом взваре мою колдовскую силу почует, он поймёт, что его обмануть пытались. Придёт тогда Хозяин леса ко мне в избу, и от меня даже косточек не останется. Сделай-ка ты лучше всё сама. Сама сваришь, заклинание своими губами наговоришь и тёпленьким Любаве поднесёшь. Так оно даже вернее будет! Магия ляжет чисто, без чужого следа.

Агафья нетерпеливо махнула рукой, унизанной перстнями, отменяя все страхи старухи:

— Да мне плевать, кто варить будет, хоть конюх Матвей! Главное — избавь меня от этой выдры! Давай сюда свои поганки, говори, что делать!

Ведьма хмыкнула и тяжело поднялась со скамьи. Покопавшись в тёмном углу избы, где на верёвках сушились пучки каких-то подозрительных мохнатых растений, она вытащила потрёпанный холщовый мешочек. Внутри она щедрой рукой набросала сморщенные, иссиня-чёрные болотные ягоды, сухие колючие листья и корень, подозрительно похожий на сморщенный палец человеческой руки.

— Вот тебе ягода-черница со дна Ведьминого омут, вот волчье лыко, а вот корень разрыв-травы, — Матрёна протянула мешок Агафье. — Дома зальёшь всё колодезной водой, доведёшь до кипения. Как пойдёт по избе густой ягодный дух, трижды нашепчи прямо в пар: *«Взвар бурлит, Навь не спит. Леший-батюшка, иди по следу, бери девку Любаву себе в невесты. Кровь её — твоя кровь, очи её — твои очи. Да будет так»*. Запомнила?

— Запомнила, запомнила, — лихорадочно закивала Агафья, пряча мешок под душегрею. Её руки заметно дрожали от предвкушения скорой победы.

— Ну, ступай. И помни: компот должен быть тёплым, когда она его выпьет или прольёт на себя, — напутствовала ведьма, снова усаживаясь за стол. Чёрный кот на печи согласно и зловеще мурлыкнул.

Агафья выскочила из избушки ведьмы, словно за ней гнались волки. Она снова пугливо огляделась по сторонам, накинула на лицо платок и тихонько, аккуратно, стараясь держаться в тени придорожных ив, побежала обратно к своему терему. На её счастье, батюшка-староста уехал на ярмарку в соседнее село, а прислугу она заблаговременно выставила вон под предлогом уборки амбаров.

Оказавшись на просторной княжеской кухне, Агафья дрожащими руками растопила печь, плеснула в огромный чугунок чистой воды и высыпала туда ведьмин сбор. Вода быстро потемнела, окрашиваясь в зловещий, чернильно-красный цвет. Вскоре по терему поплыл странный, одурманивающий аромат — пахло дикой сладкой земляникой, но с какой-то горькой, удушливой ноткой болотного тумана. Когда компот яростно забурлил, вздымая багровые пузыри, Агафья наклонилась над самым чугуном, едва не обжигая лицо паром, и яростно,

со всей копившейся в ней злобой, трижды прошипела ведьмино заклинание. Ей показалось, что в этот миг пламя в печи на секунду вспыхнуло фиолетовым огнём, а в углу кухни кто-то тихо и гадко захихикал.

Но Агафью это не напугало. Она аккуратно перелила тёплый, липкий взвар в красивый глиняный кувшин, накинула на плечи нарядный платок и выбежала на улицу. Её глаза лихо-радочно блестели.

Она пошла вдоль деревни, высматривая Любаву, чтобы преподнести ей свой *«смертельный подарок»*.

Агафья шла по узкой тропинке, мерно покачивая бедрами и тихонько напевая под нос весёлую плясовую песню. Глиняный кувшин приятно согревал ладони. Вдруг она резко замерла, и песня оборвалась на полуслове. Осенило!

— Батюшки — прошептала она, похолодев. — Я же имя её в заговоре упомянуть забыла! Просто сказала *«девку возьми»*!

Она обернулась назад, в сторону ведьминой избы, раздумывая, не вернуться ли. Но чугунок-то дома уже остыл, а заново разводить печь времени не было — Любава могла уйти. Агафья раздражённо махнула рукой в дорогом перстне и упрямо пошла дальше:— Да ладно, какая разница? Компот-то тёпленький, заговорённый. Пить его всё равно Любавка будет, больше некому. Магия сама разберётся, кто тут девка, не дура чай. Удачливость сегодня была на её стороне. Стоило Агафье выйти к развилке возле колодца, как она заметила подругу. Любава шла по тропинке, запыхавшаяся, со счастливой, блуждающей улыбкой на губах. Вся её холщовая рубаша была аккуратно расправлена, а щёки горели таким пунцовым румянцем, будто она только что выскочила из жаркой бани.

Агафья мгновенно нацепила на лицо самую ласковую, приторно-сладкую улыбку, на которую только была способна, и приветливо помахала рукой:— Любавушка! Подруженька! А я тебя как раз ищу! Любава вздрогнула, выныривая из своих девичьих грез, и послушно подошла ближе, робко поправляя косу.

— Ой, Агаша Привет, — тихонько отозвалась она, пытаясь унять частое дыхание.

— И откуда же ты у нас такая разгорячённая идёшь, а? — Агафья прищурилась, хищно разглядывая её лицо. — Никак в лесу за земляничкой бегала? Что-то корзинки у тебя не видать. Или не за ягодами ходила?

Любава вспыхнула ещё сильнее, став похожей на спелый мак, и смущённо опустила глаза в землю, судорожно теребя край фартука.

— Да ладно, ладно, не рассказывай, дело-то молодое! — наигранно рассмеялась Агафья, хотя внутри её всю трясло от злости. Она ласково коснулась плеча девушки и протянула ей глиняный кувшин. — Помощь твоя мне нужна, Любавушка. Я тут взвар ягодный сварила, компот по-новому. Да только сомневаюсь вся Не попробуешь? Может, сахара туда больше надо али мёду? Ты-то у нас знатная кулинарка, а я ведь только учусь хозяйство вести. Помогли, будь подругой! Отец сказал, к вечеру гости важные из города намечаются, угостить их хочу, чтоб батюшке перед ними стыдно не было. Любава, у которой было доброе и абсолютно бесхитростное сердце, искренне улыбнулась. Её тронула такая мнимая забота княжеской дочки.

— Да господь с тобой, Агаша, конечно помогу! Ты умница, что за ум взялась, — похвалила она подругу и протянула руки к глиняному сосуду.

Любава бережно взяла кувшин пальцами, поднесла его к лицу, вдыхая странный, одурманивающий аромат болотных ягод.

И в эту самую секунду небо над Вербицами со страшным, оглушительным треском разорвалось пополам.

Прямо над головами девушек закрутилась и вспыхнула фиолетовыми искрами гигантская воздушная дыра. Любава даже испугаться не успела, как из этой дыры с диким, нечеловеческим

визгом сверху прилетело нечто — зелёное, блестящее, благоухающее карамельным сиропом и бешено машущее руками.

Бабах!

Валерия, удержавшая в падении ручки двух своих огромных розовых чемоданов, на полной скорости, как ядро из пушки, рухнула точно на стоящую под ней Любаву. В момент страшного удара кувшин со взваром взлетел вверх, перевернулся в воздухе и... весь тёмно-красный, густой, липкий магический компот лавиной вылился прямо на упавшую Леру, намертво пропитывая её испорченное кофейное платье и впитываясь в кожу.

Любава лишь тоненько, по-поросёночки пискнула, когда её намертво придавило к земле весом городской девки и двух тяжелых баулов.

Глава 3

Стресс-интервью в Вербицах

Пыль после грандиозного крушения осела, обнажив картину полнейшего, хтонического ужаса. На несколько секунд над улицей повисла такая оглушительная тишина, что было слышно, как на заборе испуганно и часто икает петух. Три девушки замерли, пребывая в состоянии глубочайшего шока, переходящего в панику.

Любава, распластанная на грунтовой дороге, судорожно ловила ртом воздух и не решалась открыть глаза, уверенная, что её раздавило каретным колесом. Агафья, стоявшая чуть поодаль, побелела как свежесбеленная печь. Кувшин пуст, план пошёл ко дну, а посреди Вербиц нагло восседает заморское чудище в блестящей чешуе.

— Да чтоб вас всех с вашим тайм-менеджментом! — яростно прошипела Лера, нарушая тишину.

Она ловко, несмотря на высоченную шпильку уцелевшей босоножки, поднялась на ноги. Её буквально трясло от злости. Лера принялась судорожно отряхивать подол платья, но пальцы лишь вязли в липкой, густой жиже, которая теперь покрывала её с головы до ног. Лера непроизвольно облизнула губы, на которые тоже попали брызги, и тут же скривилась, издав брезгливый звук:

— Тьфу! Какая гадость! Это что вообще за дрянь на меня только что вылилась?! То ли сироп просроченный, то ли помой из привокзальной чебуречной!

Она яростно вытерла рот тыльной стороной ладони. На запястье в этот момент зловеще пульсировала свежая чёрная метка из Навьих лоз, но Лере было не до татуировок. Она подняла глаза и наткнулась на взгляды местных девиц. Любава уже успела сесть в пыли, поджав под себя ноги, а Агафья так и осталась стоять каменным изваянием с вытянутыми руками, в которых секунду назад был кувшин. Обе девушки смотрели на Леру расширенными, круглыми от дикого страха глазами, едва дыша.

— Чего глаза выкатили, кастинг объявили?! — гаркнула на них Лера, упирая руки в бока. — На неадекватных клиентов в офисе не насмотрелись?! Помогли бы лучше багаж поднять!

Но, высказав это, Лера сама осеклась. Она наконец-то замерла и впервые по-настоящему огляделась вокруг. Злость на секунду уступила место полнейшему недоумению. Её взгляд скользнул по деревянным избам, по телеге с сеном у забора, а затем вернулся к девушкам. Кокошник на одной, холщовый сарафан на другой, лапти, косы до пояса...

— Так, стоп, — Лера сделала глубокий вдох, пытаясь включить профессиональную секретарскую выдержку. — Юля, если это исторический квест на выезде, то где аниматоры с шампанским? Девушки, алло, очнитесь! Что это за место вообще? Где терминал Б? Где мой ресепшен, аэропорт и, главное, самолёт до моря?! Я через два часа должна лежать на пляже и пить коктейль, а не стоять посреди этнографического музея! Что у вас тут случилось, почему декорации такие натуральные?!

Любава и Агафья переглянулись. Дикие, непонятные слова чужестранки вроде «аэропорт», «самолёт» и «ресепшен» окончательно добили их деревенский рассудок. Для них это звучало как страшные, чёрные заклинания Навьего языка, которыми вызывают мертвецов.

Любава сдавленно пискнула, пятясь назад на четвереньках прямо по грязи, а Агафья, растеряв всю свою княжескую спесь, задрожала всем телом.

— Э-это Вербицы деревня, — едва слышно, сиплым от ужаса шепотом выдавила из себя Любава, указывая пальцем на Леру. — А мы мы не знаем, про какие моря ты баешь, госпожа

— Колдунья! — вдруг истошно, на всю улицу завизжала Агафья, окончательно потеряв контроль. — Новая колдунья с неба свалилась! Помощница чертова! Заговор чёрный творит! Она нас сейчас в жаб превратит!

— Спасите-помогите-е-е! — хором запищали обе девушки.

Любава подскочила на ноги, Агафья подобрала сарафан, и они, не разбирая дороги, с дикими криками разбежались в разные стороны вдоль улицы, скрываясь за высокими деревянными заборами.

Лера осталась стоять посреди пустой, пыльной дороги в гордом одиночестве. Один её ярко-розовый чемодан тихонько покачивался на боку, а сверху на него медленно капал карамельно-ведьминский компот.

— Ну зашибись, — резюмировала Лера, глядя вслед удравшим «аниматорам». — Клиенты ушли в глухой отказ, обратная связь отсутствует. И как мне отсюда такси заказывать?

Паниковать Валерия не собиралась. В рекламном холдинге её учили главному правилу: в любой кризисной ситуации сначала привести в порядок лицо компании. А лицом компании сейчас была она сама.

Изящным, отточенным движением Лера расстегнула испачканную сумочку и выудила оттуда маленькую пачку влажных салфеток с ароматом ромашки и круглое дизайнерское зеркальце. Первым делом она тщательно вытерла липкие ладони, а затем с трепетом заглянула в отражение. На неё смотрели всё те же идеальные, острые как бритва чёрные стрелки и сочный гляцевый блеск на губах. Компот из волчьих ягод оказался бессилён против люксового бренда.

Лера довольно, торжествующе улыбнулась своему отражению.

— Нет, ну дорогая косметика явно себя окупила! — довольно проговорила она, подмигивая зеркалу. — Даже от этих местных помоев ничего не потекло. Вот что значит водостойкая формула!

Она аккуратно, чтобы не задеть каре, стёрла багровые потёки со лба, промокнула шею, ключицы и прошлась салфеткой по рукам. Но стоило Лере опустить взгляд ниже, как её сердце облилось кровью. Платье. Роскошный, нежный шёлк цвета сочного изумруда был безнадежно, беспощадно испорчен огромным бурым пятном прямо на груди и юбке. От карамельного латте и ведьмина взвара ткань пошла жуткими разводами.

— О-о-о — обречённо укнула Лера, оглядывая масштаб катастрофы, и в ярости прикрикнула в пустоту улицы, куда удрали девки: — Вы вообще знаете, сколько оно стоит?! Бестолочи в сарафанах! Это же новая коллекция! Я за него половину тринадцатой зарплаты отдала!

Понимая, что претензии предъявлять некому, Лера сунула зеркальце обратно и достала смартфон. Экран приветливо моргнул, демонстрируя заветные сто процентов зарядки. Полная батарея вселяла надежду, пока взгляд Леры не переместился в правый верхний угол дисплея.

«Нет сети».

Она высоко подняла руку с зажатым телефоном, смешно вытягиваясь на одной уцелевшей шпильке и пытаясь поймать хотя бы самый дохлый сигнал. Но палочки связи даже не думали появляться.

— И что мне делать без связи? — проворчала Лера, сердито сдвинув брови. — Как без интернета жить в этой глухомани? Эй! Поделитесь паролем от вайфая! — снова во всю глотку прокричала она в сторону ближайшей избы. — Или хотя бы скажите номер местного такси! Яндекс сюда едет вообще?!

Ответом ей было гробовое молчание. Лишь на заборе снова ошалело кукарекнул тот самый облезлый петух. Лера от неожиданности вздрогнула, едва не выронив мобильник, и зло зыркнула на птицу:

— А ну заткнись, будильник недоделанный! И без тебя тошно.

Выбора не было. Торчать посреди дороги и ждать, пока липкий компот на шёлке окончательно засохнет, не имело смысла. Лера крепче перехватила выдвижные ручки двух своих огромных розовых чемоданов, гордо вскинула подбородок и направилась вдоль по деревенской улице.

Вот тут-то и начался настоящий ад. Деревенская тропа, усеянная колдобинами, засохшей грязью, острыми булыжниками и коварными ямками, совершенно не была рассчитана на высокую моду. Тонкие одиннадцатисантиметровые шпильки Louboutin то и дело намертво уходили в грунт по самые пряжки. Лере приходилось балансировать, как канатоходцу в цирке, то толкать, то тащить за собой розовые баулы, которые то и дело подпрыгивали на кочках.

Цок... Хруст... Цок... Тр-р-р... — разносилось по притихшей деревне.

— Да ладно! Это просто издевательство! — в сердцах ругалась Лера, едва не подвернув ногу на очередном булыжнике. — У меня стресс! У меня дикий стресс! В двадцать первом веке люди уже нормальный асфальт везде положили, плитку Собянин три раза в год перекладывает, а у них тут всё пятнадцатый век какой-то! Ни одной ровной тропы! Где дорожные службы?! Куда жалобу писать?! Вы тут вообще про существование катков и щебня слышали, чучела лапотные?!

Лера упорно ковыляла вперёд, волоча за собой подпрыгивающие на кочках ярко-розовые баулы. Наконец она поравнялась с одним из деревянных домиков, у забора которого стояла местная жительница в повойнике и застиранной холщовой рубаше. Женщина как раз держала в руках самодельный берёзовый веник и с подозрением разглядывала шагающую по грязи изумрудную фурию.

Лера остановилась, тяжело перевела дух и прикрикнула, обращаясь к ней через забор:

— Эй, бабушка! Подскажи, как отсюда такси вызвать? И где тут у вас переодеться можно?! А то ваши местные аниматоры совсем берега попутали!

Деревенская баба от такой наглости аж воздухом поперхнулась. Она яростно нахмурилась, упёрла свободную руку в бок и оскорблённо крикнула в ответ:

— Да какая я тебе бабушка, бесстыжая?! Мне всего тридцать пять годков исполнилось!

Лера замерла, опустила взгляд на её сухую, потемневшую от солнца кожу, глубокие морщины вокруг глаз и обветренные губы. Мозг выдал моментальную реакцию. Валерия критически выгнула бровь и язвительно пошутила:

— Да ладно? Тридцать пять? Ну, дорогая, к косметологу бы тебе сходить... Выглядишь на все пятьдесят восемь! SPF-кремом надо пользоваться, слышала про такое?!

Баба от таких непонятных, но явно обидных слов налилась пунцовым цветом. Она с воплем замахнулась на Леру своим веником, готовая перетянуть наглую девку по шёлковой спине. Но стоило Валерии сделать шаг ближе к забору, как солнечный луч выхватил её лицо с идеальными острыми стрелками, блестящие на солнце шпильки и — самое страшное — чернильный узор Навых лоз, который зловеще пульсировал на её правом запястье.

Взгляд деревенской женщины упал на эту чёрную метку. Веник замер в воздухе. Баба резко сжалась, побледнела и принялась судорожно, истово креститься, пятясь к крыльцу своей избы:

— Избави бог... Пронеси и помилуй... Ведьма! Ведьма Навья явилась!

Немного придя в себя от шока, она трясущимся пальцем ткнула в сторону глухой, заросшей чертополохом окраины деревни:

— Туда тебе, нечисть подколодная! Туда топай, к Матрёне-карге! Не пакости честным людям!

Лера проследила взглядом за её пальцем, ведущим к покосившейся избушке на самом краю Чёрного Бора, а затем раздражённо фыркнула:

— Какая я тебе нечисть, карга?! Это ваши местные меня тут какими-то тухлыми помоями облили! Никакого этикета, никакого сервиса! Дикари!

Развернувшись на пятках, Лера снова потащила свои чемоданы. Передвигаться стало ещё веселее: одна её шпилька Louboutin сломалась окончательно, поэтому теперь она забавно ковыляла, припадая на одну ногу и пружиня на носочке другой, чтобы хоть как-то удерживать равновесие.

Глава 4

Клиент всегда прав, даже если он ведьма

Кое-как одолев последние сто метров заросшей чертополохом тропы, Лера наконец-то остановилась возле покосившейся избушки на окраине Вербиц. Чемоданы с глухим стуком завалились набок, подняв облачко серой пыли. Лера согнулась пополам, тяжело и шумно задыхаясь. Болело всё: спина, щиколотка без уцелевшего каблука и пальцы рук, намертво стёртые о пластиковые ручки багажа.

— Так, Валерия, соберись. Ты лицо компании, — прошептала она себе под нос, утирая капельку пота со лба.

Одним волевым движением она расправила плечи, выпрямила спину так, словно шла на ковёр к генеральному директору, и уверенно шагнула на хлипкое крыльцо. Лера вежливо, но настойчиво постучала в дубовую дверь.

Тишина. Лишь в глубине Черного Бора зловеще ухнул филин.

Лера нахмурилась и постучала снова, уже сильнее. Ноль реакции. Тогда, потеряв остатки терпения, она решительно толкнула дверь от себя и вошла внутрь без приглашения.

— Ау! Есть кто дома? — громко крикнула Лера, брезгливо перешагивая через высокий порог и затаскивая следом свои розовые баулы. — Добрый день! Клиентский сервис у вас, конечно, оставляет желать лучшего...

Она зажмурилась от резкого запаха гари и сушёных жаб, но, разглядев за столом сухонькую старуху в растрёпанных седых паклях, Лера искренне обрадовалась. Хотя один вменяемый человек в этой глухомани, который не замахивается на неё веником!

— Ой, простите, женщина! — Лера лучезарно улыбнулась своей самой профессиональной улыбкой «для важных партнёров». — Меня к вам ваши местные направили. Мне бы такси вызвать, если можно. И ещё, если вас не затруднит, можно я у вас тут в соседней комнате переоденусь? Ваши деревенские аниматоры совершенно под ноги не смотрят! Такой наряд шикарный испортили, облили какой-то дрянью... А я ведь на самолёт опаздываю, у меня отпуск горит!

Старая Матрёна медленно, со скрипом подняла голову. Её хитрые живые глаза уставились на Леру. Ведьма шумно втянула носом воздух, принялась и мгновенно нахмурилась — от незваной гостьи разлило одновременно сладким карамельным кофе и свежесваренным Навьим взваром.

Взгляд старухи скользнул по изумрудному шёлку платья, грязным босоножкам и замер на правом запястье городской девки. Чёрные лозы Навьей метки там пульсировали так ярко, что их было видно даже сквозь кофейные разводы.

— Проклятье — тихонько просипела Матрёна, хватаясь за голову. — Ну Агашка, ну неуклюжая жаба! Всё перепутала, девка дурная!

Лера озадаченно проследила за взглядом старухи и только сейчас заметила странный чернильный узор у себя на руке. Лозы сплетались в затейливую, живую татуировку, которая неприятно покалывала кожу.

— Ой, да где я снова грязь-то подцепила? — испуганно шепнула Лера. — Точно эти помои деревенские въелись!

Она тут же на автомате выудила из сумочки очередную влажную салфетку и принялась с остервенением тереть запястье. Надавливала так, что кожа покраснела, но чёрный узор даже не подумал размазаться. Наоборот, лозы словно зашевелились под кожей ещё быстрее.

— Не старайся, милая, — хмуро буркнула ведьма, наблюдая за её тщетными попытками.
— Не сможешь. Это заклятие. Навья метка на тебе.

Лера замерла с салфеткой в руке. Она вытаращила свои идеально подведённые глаза на старуху, пару секунд переваривала информацию, а потом весело, облегчённо рассмеялась:

— Ладно, шутка удачная! Пять баллов за актёрскую игру, бабуль. Атмосферно, не спору. Я вообще не знаю, как я в ваш тематический парк попала. Вроде на работе не пила, только кофе... Наверное, это такси или у Гугла в навигаторе сбой случился, и он привёз меня сюда. А я уж во сне, походу, ресепшен искала. Короче, прекращаем шоу. Мне бы просто такси до Шереметьево. Вызовите со своего телефона, пожалуйста, а то у меня тут связи вообще нет. Полный ноль палочек!

Матрёна молча смотрела на Леру, как на умалишённую. Чёрный кот на столе лениво потянулся, сел и уставился на розовые чемоданы с таким видом, будто тоже прикидывал, сколько Лере осталось жить до прихода Лешего.

Матрёна тяжело вздохнула, со скрипом отодвинула деревянную лавку и не спеша подошла к Лере. На её старом лице не осталось и следа прежней насмешливости. Старуха осторожно, но крепко взяла городскую гостью за запястье, прямо поверх чернильных Навых лоз, и мягко потянула на себя.

— Да брось ты эти баулы свои чудные, присядь лучше, дочка, — негромко, почти матерински сказала ведьма, указывая на колченогий табурет. — Послушай старую. Заклятие это. Самое настоящее, грозное. Чужую метку ты на себя забрала, чистая случайность то была, сбой в чародействе. Агашка взвар заговорила, а вылила-то на тебя. И теперь Леший, хозяин Чёрного Бора, за тобой упрямо шагать будет. По следу твоему пойдёт, из-под земли достанет, потому как ты нонеча — Навья невеста.

Лера снова приснула, покачав головой, и аккуратно высвободила руку из сухих пальцев старушки.

— Ой, ну всё, ладно, хорош! — Валерия выпрямилась, и в её голосе зазвучали те самые строгие, металлические нотки личного помощника генерального директора. — Достаточно шуток, бабуль. Актёрам передайте, что им пора премию выписывать, кастинг они прошли. Но я реально опаздываю. Мне не нужен этот ваш лесной косплей. Где тут у вас выход к цивилизации?

Матрёна лишь горько усмехнулась.

— Не веришь, значит? Ну гляди, девка упрямая.

Ведьма резко, с сухим щелчком хлопнула в ладоши прямо перед носом Леры.

В ту же секунду в избе потемнело. Очаг старой печи яростно ухнул, и оттуда с треском вылетела огромная туча багровых и фиолетовых искр. Они не опали на пол, а закружились посреди избышки в бешеном, светящемся вихре. Прямо в воздухе искры начали сгущаться, срастаться, обретая чёткие, живые очертания маленьких рогатых чертят с длинными хвостами и горящими глазками. Угольно-чёрный кот на столе истошно зашипел, вздыбив шерсть, а сами огненные существа загоготали на всю избу тонкими, противными голосками, выделявая в воздухе сальто.

— Ой! — пискнула Лера.

От неожиданности она резко вжала голову в плечи, отступая на шаг назад и едва не запутавшись в собственном шёлковом подоле. Сердце у неё ушло в пятки, а по спине пробежал вполне реальный, ледяной мороз. Но годы работы в рекламном холдинге, где нужно было фиксировать каждый факап подрядчиков, выработали у неё железные рефлексy. Вместо того чтобы бежать или падать в обморок, Лера инстинктивно выхватила из сумочки свой смартфон и, лихорадочно ткнув пальцем в экран, включила камеру.

Объектив новенького телефона чётко поймал в кадр пляшущих посреди древней избы огненных чертей. Лера вела камерой из стороны в сторону, затаив дыхание, пока ведьма снова

не взмахнула рукой — и вихрь с тихим хлопком растворился в воздухе, оставив лишь лёгкий запах серы и жжёной бересты.

Наступила тишина. Лера медленно опустила телефон, нажала на кнопку «Стоп» и с замиранием сердца включила только что записанное видео на повтор. На экране без каких-либо задержек и лагов кружились самые настоящие мифические твари, а на заднем плане чётко виднелось обалдевшее лицо кота.

Валерия вытаращила свои идеально покрашенные глаза на дисплей, потом перевела ошарашенный взгляд на Матрёну, сглотнула и хриплым голосом выдавила:

— Обалдеть... Слушайте, спецэффекты просто огонь! Это что, дополненная реальность? Голограмма нового поколения?! Какой бренд вам это настраивал? Наш холдинг за такую технологию душу бы продал!

Старуха Матрёна лишь обречённо покачала головой, прикрыв глаза ладонью.

— Навь великая... — прошептала ведьма в пустоту. — Кого ж мне Навь подсунула? Девка к ней лицом к лицу, а она в свою коробочку светящуюся тычет да про эффекты бает. Пропала ты, милая. Ох, пропала.

Лера хотела было язвительно вставить, что— то ещё, но её взгляд случайно упал на собственное правое запястье. Салфетка выпала из пальцев.

Чернильный узор из лоз, который ещё минуту назад скромно обвивал её руку, вдруг ожил. Прямо на глазах Леры тонкие чёрные ответвления, похожие на цепкие корни терновника, начали медленно, но верно разрастаться под кожей. Они поползли вверх, к предплечью, неприятно покалывая и обжигая холодом. Это было не тату. Это было... живое.

Вот тут-то Лере впервые по-настоящему стало страшно. Столичный лоск с неё мгновенно слетел, сердце испуганно ухнуло куда-то в район босоножек, а дыхание перехватило.

— Э-эй Бабуль, — Лера сглотнула, и её голос впервые дал ощутимую осечку, став тонким и испуганным. — А почему эта грязь ползёт? Она она шевелится! Что это такое?!

Матрёна резко посерьёзнела. Она схватила Леру за руку, вглядываясь в чернеющие вены, и лицо старухи побледнело, став похожим на сухую бересту.

— Разрастается, значит — зловеще прошептала ведьма. — Почуял взвар. Почуял чужую кровь. Это значит, дочка, что Леший уже идёт. Хозяин леса к избе шагает.

Лера судорожно выдернула руку, пятясь назад и вжимая голову в плечи.

— Да какой ещё Леший?! — в панике закричала она, округлив идеально покрашенные глаза. — Что ему вообще от меня нужно?! Я секретарь! Я документы Аркадию Борисовичу согласовывала! При чём тут ваше дерево ходячее?!

— При том, что ты теперь его невеста перед Навью! — прикрикнула в ответ Матрёна, лихорадочно хватая со стола мешочки с солью. — Навья невеста! Агашка, выдра косорукая, взвар-то для Любава заговорила, чтоб Леший её в чашу утащил да из деревни извёл! А Любава кувшин выронила, и всё варево на тебя вылилось! Навь — она слепая, девка. Она имя в заговоре не услышала, зато кровь твою ягодным соком пометила. Всё, суженая ты его теперь по закону леса!

Лера замерла. Страх в одну секунду сменился такой бешеной, чистокровной яростью, что её чёрное каре, казалось, даже приподнялось. Она нахмурилась, сердито сдвинула брови и яростно упёрла руки в бока, плевав на липкое платье.

— Что?! — рывкнула Валерия на всю избу, аж кот под лавкой вздрогнул. — То есть из-за каких-то местных деревенских разборок и чужих романов я я не полетела на море?! Из-за того, что две бабы парня не поделили, у меня сгорели билеты в пятизвёздочный отель?! Да я этот отпуск год выгрызала сквозь зубы!

Она сделала угрожающий шаг к ведьме, гневно дыша:

— Так, женщина. Мне плевать на вашего Лешего, на Навь и на Любаву с её Иваном! Сворачивайте это шоу. Говорите прямо сейчас: как мне вернуться обратно? Где тут у вас обратный портал, дверь, люк в Шереметьево? Выдайте мне инструкцию, я сама всё сделаю!

Матрёна лишь тяжело вздохнула и беспомощно пожала худыми плечами, пряча глаза:

— Вернуть — не верну, дочка. Не в моих это силах. Проход между мирами сам открылся, когда Навь истончилась, а как его обратно запереть да тебя сквозь него протолкнуть — того ни одна земная ведьма не ведает. Тут магия повыше моей нужна

Лера почувствовала, как земля уходит из-под ног. Без связи. Без интернета. В каком-то лохматом веке.

— Вы издеваетесь — обречённо прошептала она.

— Но ты не горюй раньше времени! — ведьма вдруг воинственно вскинула подбородок и стукнула кулаком по столу. — Обратно в твой мир я тебя не закину, а вот от Лешего спрячу! Не бывать тому, чтоб Хозяин в моей избе невинную девку сцапал! Помогу тебе, берегами закрою, отварами метку глушить станем. Живой он тебя отсюда не заберёт!

Лера посмотрела на решительное лицо старухи, потом на свои розовые чемоданы и глубоко вздохнула, возвращая себе привычную рабочую выдержку:

— Ну зашибись. Логистика провалена, бюджеты сгорели, сидим в глухой обороне. Ладно, бабуль. Будем работать с тем, что есть. Показывайте, где у вас тут мыло, и начнём ваш кризис-менеджмент.

Глава 5

Джинсовый манифест и ведьмин аудит

Валерия стояла посреди избушки в глубоких, смятенных ощущениях. В голове со скрипом проворачивались шестерёнки, пытаясь совместить в один рабочий график пятизвёздочный отель, упущенный самолёт, говорящих чертей и двухметровое бревно с зелёными глазами, которое уже выписало на её имя брачное свидетельство.

Она шумно, со свистом вздохнула, посмотрела на своё липкое, пахнущее карамелью и травой платье, и решительно топнула уцелевшей шпилькой:

— Так, ладно. Паника отменяется, паника — это нерентабельно. Но для начала мне абсолютно точно нужно переодеться. Я не могу заниматься кризис-менеджментом в виде подгоревшего десерта.

Лера решительно подошла к одному из своих вызывающе-розовых чемоданов, с хрустом расстегнула молнию и откинула крышку.

Старая Матрёна даже шею вытянула, с опаской заглядывая внутрь. Чёрный кот осторожно высунул нос из-под лавки, принюхиваясь к ядрённому аромату французского парфюма и стирального порошка. А посмотреть было на что: вещи в чемодане лежали плотными, безупречными стопками, рассортированные по цветам и назначению — сказывалась педантичность.

Покопавшись в своём арсенале, Лера решительно выудила плотные чёрные джинсы-скинни, облегающий белый топ на широких лямках и пару новеньких белоснежных кроссовок на толстой подошве. Скрывшись за печкой, она скинула безнадёжно испорченный шёлк и быстро натянула современную броню. Джинсы сели как влитые, кроссовки мягко обняли уставшие стопы.

Выйдя из-за печи, Лера первым делом бережно подняла с пола свои многострадальные туфли Louboutin. Одна шпилька была сломана под корень, вторая покрыта ровным слоем черноты. На глаза Леры едва не навернулись горькие слёзы.

— Семьдесят тысяч рублей... — трагическим шёпотом произнесла она, прижимая обувь к груди, как раненого младенца. — Семьдесят тысяч! Да за эти деньги ваш Леший должен был лично уложить мне асфальт отсюда и до МКАДа, причём с подогревом и бордюрами! Угробили такую красоту, варвары лапотные!

Матрёна, которая до этого момента с открытым ртом разглядывала странные «синие порты со швами» на ногах Леры, перевела взгляд на сломанные туфли и сокрушённо покачала головой:

— Ой, девка, да ты не по обувке плачь, ты радоваться должна, что шею себе не свернула! Я вот всё смотрю и диву даюсь: как ты вообще на палочках этих ходила?! Это ж чистое вредительство! У нас на таких подпорках только калечные заборы стоят, а ты их на ноги нацепила и маршируешь, аки цапля по болоту! Тьфу, прости господи, у вас там в вашем веке... как ты его лаяла?.. в двадцать первом, совсем бабы умом повредились?

— Это называется стиль и высокая мода, бабуль, — буркнула Лера, аккуратно убирая искалеченные любутены в угол чемодана. — В них женщина чувствует себя королевой. Правда, в условиях вашей дорожной инфраструктуры королева быстро превращается в хромую утку.

Она завязала шнурки на кроссовках, с удовольствием топнула по дощатому полу избы и уверенно поправила идеальное чёрное каре:

— Ну всё. Обувь сменила, макияж на месте. Защита активирована. Матрёна, доставай свои обереги, давай смотреть, чем мы будем глушить твоего лесного жениха.

Пока за стенами избы нарастала зловещая лесная тишина, Матрёна (которую Лера про себя уже окрестила Ягой или просто Яшей за её суровый нрав и вечное ворчание) развила бурную деятельность. Старуха с головой зарылась в свои многочисленные сундуки, шумно копошась в них, как огромная серая мышь. На пол летели старые тряпки, пучки сухой травы и какие-то берестяные коробки.

Лера же, сохранив на лице абсолютное хладнокровие, вальяжно сидела за столом. Она аккуратно поправила пальцем фиолетовые патчи под глазами и принялась лениво гладить чёрного кота. Животное сначала пыталось симулировать Навью ярость, но против профессионального секретарского массажа за ушком устоять не смогло. Кот блаженно зажмурился, вытянул лапы и тихонько затарахтел, признавая Леру главным топ-менеджером этой избы. — Так, девка, примеряй защиту! — вдруг победно провела Яша, выныривая из недр сундука.

Прямо перед носом Леры на стол с грохотом обрушился ведьминский *«арсенал безопасности»*. Сама Яша сияла гордостью, будто презентовала совету директоров проект на миллиард.

Лера брезгливо отпрянула, убирая руку от кота. На столе, источая непередаваемый, удушливый аромат, лежали: глиняный горшок с серо-зелёной жижей, подозрительно напоминающей болотную жижу трёхлетней давности, ожерелье из сушёных лапок лягушек, связка мелких, побелевших от времени черепов (судя по зубам — крысиных) и пучок сплетённой, колючей сухой травы.

В нос Лере мгновенно ударил такой резкий аммиачно-болотный концентрат, что её глаза заслезились круче, чем от лука.

— Фу-у-у! Яша, ну это уже вообще за гранью! — Лера брезгливо сморщилась, прикрывая нос ладонью и отодвигая от себя ожерелье кончиком заточенного карандаша, который утащила из офиса. — Что это за тухлый мерч?! Вы мне предлагаете надеть на себя подвески с костями крыс и лягушек?! И вот этой вонищей мазью я должна мазать лицо?! У меня, между прочим, чувствительная кожа! От этого вашего Навьего детокса у меня такой дерматит бахнет, что никакой косметолог не спасёт! Я это даже трогать не буду! Уберите немедленно, у меня сейчас эстетический шок случится.

Ведьма обиженно и громко фыркнула, упирая руки в бока. Она зловеще прищурилась, глядя на городскую фифу в джинсах:

— Ах трогать она не будет! Сляканы её заморские, вишь ты, пахнут ладно, а моё чародейство ей не по нраву! Кости ей крысиные не угадали! Да этот оберег от самого Кощея прадед мой прятал! Ну и сиди, девка упрямая! Раз мазаться не хочешь и кости на шею не вешаешь — тогда собирай свои розовые короба и к Лешему иди! Прямоком в лапы! Он из тебя быстро всю спесь-то выбьет, шёлком своим болотным укутает, будешь до веку кикиморам пятки чесать!

Лера посмотрела на крысиные черепа, потом на Яшу, потом на дверь, за которой лес уже затихал перед бурей, и тяжело вздохнула. Переговоры зашли в тупик. Подрядчик попался капризный, а клиент снаружи явно не собирался ждать окончания кофе-брейка.

Лера критически осмотрела крысиное ожерелье, затем перевела взгляд на обиженно сопящую Яшу. В холдинге её учили: если компромисс невозможен, создай его сама из подручных средств.

— Так, Яша, стоп, отставить панику, — Лера примирительно подняла ладони. — Клиент готов к конструктивному диалогу. Мазаться этой зелёной гуашью я не буду — это мой окончательный оффер, обсуждению не подлежит. Но по поводу аксессуаров мы можем договориться.

Она решительно подошла к своему розовому чемодану, с треском расстегнула молнию и выудила оттуда увесистый стеклянный флакон духов премиум-класса. Ведьма испуганно отшатнулась, когда Лера смахнула крышку и уверенным жестом направила дозатор прямо на сушёные лягушачьи лапки и крысиные черепа.

Пишик! Пишик! Пишик!

По избушке мгновенно разнёсся роскошный, густой аромат дорогого селективного парфюма — с нотками амбры, спелой вишни и благородного дерева. Чёрный кот на столе чихнул, потерял весь свой навых лоск и удивлённо уставился на Леру. Ведьма замерла, судорожно втягивая носом воздух. — Батюшки... — прошептала Матрёна, округлив глаза. — Это что ж за зелье такое приворотное? Пахнет-то как... словно в княжеском саду по весне, да со сладостью заморской!

— Это не зелье, это парфюмерная вода, — гордо пояснила Лера, пряча флакон. Она брезгливо, двумя пальчиками подцепила пахнущее вишней крысиное ожерелье и аккуратно запихала его в глубокий задний карман своих новеньких джинсов.

— Вот. Теперь ваш оберег хотя бы пахнет по-человечески, по стандартам премиум-сегмента. И дизайн я оптимизировала: на шею эту инсталляцию вешать не буду, но в кармане полегит. Защита работает? Работает. Личные границы соблюдены? Соблюдены.

Яша только ртом завоздушила, не зная, радоваться такому креативу или проклясть наглую девку за неуважение к древним традициям.

— Ну и девка... Ну и чума... — проворчала ведьма, возвращаясь к сундуку. — Кости крысиные духами поливать — до такого даже болотные кикиморы в самый весёлый шабаш не додумывались! Ладно, пусть в кармане лежит, магия внутри костей, ей твой вишнёвый дух не помеха. Главное — от Лешего закроет.

— Вот и отлично, закрыли задачу, — Лера довольно захлопнула чемодан и снова уселась за стол, проверяя ногти. — А теперь, Яша, расскажите-ка мне про нашего главного стейкхолдера. Этот ваш Леший — он вообще адекватный? С ним переговоры вести можно, или он чисто по силовым методам работает? Но договорить она не успела.

За окнами избушки резко, в один миг стих даже тот унылый ветер, что колыхал чертополох. Наступила такая тишина, от которой заложило уши. А в следующую секунду старая дверь избы жалобно заскрипела и прогнулась внутрь, словно снаружи на неё навалился кто-то невероятно огромный.

Половицы жалобно затрещали. Матрёна мгновенно побелела, растеряв всю свою спесь, и её руки затряслись так, что мешочек с четверговой солью выскочил и рассыпался по полу.

— Пришёл... — беззвучно, одними губами прошептала ведьма. — Хозяин у порога. У Валерии внутри всё сжалось от страха, но мозг, годами дрессированный неадекватными клиентами рекламного холдинга, сработал на автопилоте. Когда на ресепшен ломится разъярённый заказчик, главное — сохранять ледяной тон и уверенность в голосе.

Лера подскочила со скамьи, упёрла руки в бока и, чеканя каждое слово своим самым строгим секретарским голосом, крикнула прямо в затрещающую дверь:

— Мужчина! Мужчина за дверью, приёмные часы официально окончены! Офис закрыт на переучёт! Приходите завтра к девяти утра по предварительной записи, я вас внесу в график! И вообще, прекратите портить частную собственность, за порчу имущества у нас предусмотрен огромный штраф!

Дверь на секунду замерла. Снаружи не раздалось ни звука — ни рыка, ни ответа. Только глухое, тяжёлое дыхание, от которого сквозняк понёс по избе запах мокрой хвои, прелых листьев и глубоких болотных топей.

— Дурная, ты что творишь, замолкни! — в панике зашипела Яша, падая на колени перед печью и принимаясь лихорадочно бросать в огонь сушёную полынь. — Какая запись, какие часы! Он же тебя сожрёт и косточки не выплюнет!

Понимая, что одной секретарской строгостью доски не удержишь, Лера бросилась к своему самому тяжёлому ярко-розовому чемодану на колёсиках. Пыхтя от натуги и едва не ломая ногти, она потащила этот пластиковый танк, набитый четырнадцатью вечерними нарядами и тонной косметики, к двери. С грохотом привалив его к косяку, она сверху наподдала вторым чемоданом, пытаясь соорудить хоть какое-то подобие баррикады премиум-класса.

— Вот так! — тяжело дыша, выдохнула Лера, отряхивая руки. — Входной контроль обеспечен. Через эту логистику никакой клиент наглым штурмом не пройдёт.

Она победно развернулась, но инстинктивно скользнула взглядом в сторону маленького, мутного от грязи окошка избы. И тут же оцепенела.

Прямо за мутным стеклом, заменяя собой весь лесной пейзаж, горели два огромных, багрово-красных глаза. В них не было человеческой ярости — в них застыла пугающая, древняя, непреклонная сила самого Черного Бора. Лещ глядел прямо на неё, сквозь ведьмины заговоры считывая свою метку на её руке.

— Ой, мамочки... — тоненько, совершенно не по-секретарски пискнула Лера. Вся её столичная уверенность испарилась в секунду. Она ласточкой метнулась через всю избу и с головой забилась в тёмную нишу за тёплой печью, сжавшись в комок рядом с перепуганным чёрным котом. Кот посмотрел на неё круглыми глазами, словно говоря: *«Ну что, довыдывалась со своим вайфаем?»*.

В этот момент Матрёна, набрав в грудь побольше воздуха, вытаращила голову в сторону окна и яростно зашипела, брызгая слюной от страха и злости:

— А ну пошёл вон, пень ты трухлявый! Коряга болотная, сук нечёсанный! Кому говорю, пошёл прочь от моей хаты!

Старуха принялась бешено махать руками, швыряя в сторону окна горсти соли и лихо-радочно причитать заговор, сбиваясь от спешки:

— От девки этой очи отведи, Навье око застели! Невесту чужую не бери, мимо иди, в болото гляди! Кровь не её, взвар не для неё! Тьфу на тебя, лесной чёрт, сквозь землю провались, к корням своим вернись! Да будет так! Да будет так!

Окно жалобно зазвенело под напором поднявшегося снаружи урагана, ветки деревьев с диким скрежетом полоснули по бревенчатым стенам, но ведьмин круг и заговорённая полынть всё-таки держали оборону. Лера сидела за печью, мёртвой хваткой вцепившись в кота, и молилась всем богам рекламного маркетинга, чтобы эта древнерусская избушка выстояла под напором её нового суженого. За окнами избушки снова пополз густой, сонный болотный туман. Тяжёлый гул Черного Бора медленно затих вдали, уступая место привычным деревенским щебетами птиц. Матрёна шумно выдохнула, утирая со лба липкий пот, и обернулась в сторону печи.

— Ох... — тихонько охнула старуха, опуская уставшие руки. — Выходи, девка. Ушёл Хозяин. Заглубило на дворе, отступился покамест.

Лера сначала осторожно высунула из-за угла печи голову. Локоны её безупречного чёрного каре слегка растрепались, но взгляд уже снова горел боевым огнём. Она прищурилась, внимательно посмотрела в мутное окно — багровых глаз там больше не было. Только тогда Валерия грациозно выскользнула из своего убежища. Она брезгливо, с силой обхлопала ладонями джинсы, отряхивая их от печной золы и пыли, и тут же яростно возмутилась на всю избу:

— Нет, вы это видели?! Ну зашибись! Я вообще-то замуж в ближайшие годы не собиралась! У меня, между прочим, в планах на эту жизнь собственный бизнес, море, океаны и лакшери-курорты с бурными любовными романами! Свидания с ухоженными красавчиками в ресторанах, понимаете?! А не вот это всё! Сидеть в грязи, носить в кармане пахнущие вишней кости крыс и прятаться за печкой от какого-то неадекватного пня переростка! Это вообще не мой уровень жизни!

Она раздражённо выудила из сумочки очередную салфетку и принялась со злостью обтирать липкие от кошачьей шерсти и пыли руки.

— Если этот ваш жених прибудет сюда и ночью, бабуль, — Лера строго пригрозила ведьме пальцем, — то вы мне тут лучше сразу поставьте ночной горшок прямо за печку. Иначе я за себя не ручаюсь... Я, знаете ли, с детства не люблю на ночь смотреть кино про страшилки! У меня от них потом тёмные круги под глазами, а мне лицо компании портить нельзя.

Бабка Матрёна лишь уныло побубнила себе под нос, половину слов не разобрав из Леркиной тирады про «бизнес», «романы» и «кино». Покрутив пальцем у виска, старуха снова усадилась за стол и принялась монотонно чистить сухие травы, аккуратно связывая их в пучки и раскладывая по полотняным мешочкам.

Лера тем временем критически обвела взглядом полутёмную, закопчённую избу. На потолке качалась вековая паутина, в углах сиротливо жались друг к другу пыльные горшки, а на полу красовались россыпи четверговой соли смешанной с грязью от Лериных босоножек.

— Так, ладно, — Валерия вздохнула, упирая руки в бока и переходя в режим жёсткого тайм-менеджмента. — Я, конечно, дома тоже не сильно сама прибираюсь. У меня в Москве для этого есть специальный клининг два раза в неделю. Но, судя по всему, клининга у вас тут нет. Ровно так же, как вайфая, сервиса и асфальта на дорогах. Всё приходится делать самой! Давай сюда тряпку и ведро, бабуль. Сначала ликвидируем этот факап в помещении. А вот потом потом мы пойдём вашей гламурнице Глашке косы рвать на мелкие лоскуты! За моё испорченное шёлковое платье, за карамельный латте на педикюре и за её дебилские заговоры на трухлявое полено! Я из неё быстро всю душу вытрясу, пускай оплачивает мне химчистку по прайсу!

Матрёна от такой наглости аж маковый корень из рук выронила, а чёрный кот на печи уважительно прижал уши, понимая: кажется, Навь прислала им такое чадо, перед которым скоро задрожит не только деревня Вербицы, но и сам Леший в своей чаще.

Глава 6

Клининг-контроль и штурм княжеских границ Утро в избушке Матрёны началось не с пения птиц, а со строгого свиста. Лера, закатав рукава мешковатого худи, устроила такой тотальный аудит ведьминого имущества, какого эти брёвна не видели со времён крещения Руси.

Процесс уборки плавно растянулся на весь день. Матрёна, которую Лера запрягла в оборот, сидела на лавке и с тихим ужасом в глазах перебирала свои запасы, пока городская девка безжалостно сортировала её колдовской склад.

— Так, Яша, смотрим на меня, — командовала Лера, размахивая мокрой тряпкой как флагом. — Вот эти мухоморы мы раскладываем по фракциям. Слева — крупные, на экспорт деревенским дуракам, справа — сушёная мелочь. И не надо мне тут пихать бледные поганки в одну корзину с грибами высшей категории! Это сорванный КРІ и нарушение товарного соседства. Котлы отмыть до зеркального блеска! У вас тут в зельях антисанитария, бактерии размножаются быстрее, чем ваши чертенята. Какое чародейство ляжет на грязную посуду?

День неумолимо близился к вечеру. Старая ведьма, конечно, была не очень рада тому, что какая-то столичная пигалица начинает бесцеремонно хозяйничать в её родовом гнезде и учить её, как правильно хранить жабы лапки. Матрёна ворчала, бубнила проклятия под нос, но... против идеального порядка ничего против не имела. Сама-то она была уже старая, суставы крутило на погоду, и до генеральной уборки руки не доходили последние лет сорок. Теперь же изба сияла, паутина капитулировала, а мухоморы лежали строго по ранжиру.

Но как только солнце начало клониться к горизонту, окрашивая небо в багровые тона, Лера бросила тряпку в ведро и решительно поправила каре.

— Ну всё, внутренний аудит завершён, — хищно прищурилась она. — Пора выходить на внешние рынки. Идём бить морду вашей Глаше.

Появление Валерии в Вербицах заставило притихшую деревню замереть во второй раз. Лера уверенно маршировала по разбитой дороге. Но её внешний вид всё равно оставался для местных жителей шоком галактического масштаба.

Она с ходу подлетела к высоким воротам княжеского терема, с грохотом пнула их кроссовком и закричала на всю улицу, сотрясая забор:

— Глаша! А ну выходи, трусливая корова! Выходи по-хорошему, иначе я сама к тебе зайду! Через заборы я лазить умею, знаете ли, опыт ведения переговоров в экстремальных условиях имеется! Вылезай, кому говорю!

На крыльцо терема, привлечённый криком, неторопливо вышел сам староста — грузный, бородатый мужчина в дорогой расшитой кафтане. Он замер на верхней ступеньке, ошарашенно разглядывая Леру. Его взгляд метался от её лица к ногам, а челюсть медленно ползла вниз. Староста осмотрел её самым странным и диким взглядом, на какой был способен. Что за разукрас непонятный на лице? Глаза обведены чёрным, губы ярко-красные, вызывающие. А волосы? Короткие, обрубленные по уши! Женщины в Вербицах отродясь таких причёсок не носили, коса — девичья гордость. Подобную стрижку можно было заметить разве что у местных мужиков, и то если им совсем лень было стричься. Но когда его взгляд опустился на её одежду, староста чуть в обморок не упал прямо на резные перила. На Лере была странная, огромная мешковатая кофта (худи оверсайз), а снизу — обтягивающие чёрные лосины, которые настолько плотно облегали длинные ноги, что вообще не давали никакого пространства для мужского воображения. На Руси в таком виде не то что к старосте — к свиньям в хлев выйти постыдились бы.

— Что за срамота — силным, ошарашенным голосом проговорил староста, хватаясь за сердце и крестясь. — Ты откуда ж такая выскочила, чудище бесстыжее?! А ну пошла вон отсюда, не срами честных людей! Изыди, нечисть коротковолосая!

Услышав это, Лера даже не подумала отступить. Наоборот, она сделала шаг вперёд, вцепилась тонкими пальцами с идеальным маникюром в деревянный забор и буквально прорычала старосте в лицо, сверкая Навьей меткой на запястье:

— Какая я тебе нечисть, старый?! Девку свою выводил из терема, пока я лично на неё порчу из трёх этажей мата не навела! Пусть прямо сейчас выходит и делает обратный отворот от своего пня трухлявого! Из-за её тухлого компота ко мне по ночам лесные брёвна ломаются! Быстро позвал эту косорукую ведьму-недоучку, пока я ваш бизнес тут по брёвнам не раскатала!

Староста замер, бледнея на глазах, а из-за занавески терема испуганно высунулся бледный нос притихшей Агафьи.

За занавеской на втором этаже терема испуганно дрогнул расшитый подол. Лера, обладавшая профессиональным зрением на любых бездельников, моментально засекала это движение.

— Ага! Вижу тебя, корова парчовая! — зычно крикнула Лера, угрожающе поманив пальцем с острым чёрным ногтем. — А ну живо иди сюда, пока я тебе твой кокошник на уши не натянула и глаза не выцарапала! У нас тут серьёзное судебное разбирательство, а ответчик в кустах прячется!

Дверь терема медленно приоткрылась. Глаша выползла на крыльцо, испуганно вжав голову в плечи так, что её дорогой кокошник смешно съехал на левое ухо. Дрожа всем телом, она мелкими шажками обошла своего впавшего в ступор отца-старосту и на ватных ногах приблизилась к забору.

Стоило ей подойти на расстояние вытянутой руки, как Лера, не тратя времени на прелюдии, вцепилась пальцами в расшитый ворот её сарафана и с силой припечатала княжну к доскам забора.

— Ой! Мамочки! Не губи, ведьма заморская! — тоненько пискнула Глаша, зажмурив глаза и безуспешно пытаясь вжаться в древесину. Староста, наконец опомнившись от такой дерзости, с воплем: «А ну пусти дочь, нечисть короткополая!» схватил стоящие у крыльца навозные вилы и выставил их вперёд трясущимися руками.

Но Леру тризубцем было не испугать — она на работе и не таких «вилоносцев» из кабинета выставляла. Валерия даже не повернулась к нему. Вместо этого она ткнула своё правое запястье, на котором зловеще шевелились чёрные лозы Нави, прямо в нос перепуганной Глаше.

— А ну быстро делай отворот, косорукая ты жертва пиара! — яростно прошипела Лера, обладая княжну мятным ароматом жевательной резинки Orbit. — Ты что натворила, дура непутёвая?! У меня из-за твоего ягодного смузи отпускной контракт сгорел! Быстро забирай своего Лешего обратно в свой отдел логистики! Кому говорю, отменяй подписку на этого ходячего гербария! Навья невеста она из меня сделать решила! Да у меня в Москве таких «леших» у подъезда по три штуки на лавке сидит, только пиво пьют! Какого чёрта твой лесной суженый ломится ко мне в окно и пугает моего кота?!

От такой бешеной словесной атаки и совершенно непонятных, но жутких слов вроде «смузи», «контракт» и «подписка», Глаша окончательно сломалась. Из её глаз брызнули самые настоящие слёзы, размазывая девичьи белила по щекам.

— Да не тебе-е-е то было! — в голос разрыдалась княжеская дочь, шмыгая носом. — То Любаве предназначалось! Взвар-то заговорённый Любавка выпить должна была, чтоб Хозяин её унёс и очи Ивана от неё освободил! Я не хотела тебя-а-а, чужестранка! Оно само на тебя упало! Услышав это, Лера округлила глаза и обозлилась ещё сильнее. Хватка на сарафане Глаши сжалась до треска швов.

— Что?! — вскрикнула Валерия, и её сопрано эхом разнеслось по Вербицам. — Так ты эту токсичную дрянь ещё и нарочно собиралась подсунуть?! Чистое покушение на убийство и подрыв чужого малого бизнеса! Ты мало того что косорукая, ты ещё и змея подколотная, подлежащая немедленному увольнению без выходного пособия!

С этими словами Лера с брезгливостью оттолкнула от себя Глашу. Княжна не удержала равновесия на своих расшитых каблучках и с писком повалилась прямо в пыль под забором, разбросав подол сарафана.

Лера резко развернулась к старосте, который всё ещё целился в неё вилами, и ледяным тоном бросила:

— А ты, старый, брось вилы, пока конечности себе не поранил! Руки вон как трясутся, ещё технику безопасности нарушишь, а мне тут производственные травмы на объекте не нужны!

Она сделала глубокий вдох и вскрикнула на всю улицу, так, чтобы слышала каждая изба:

— Короче! Официально заявляю: я забираю вашу болотную ведьму Матрёну под своё личное внешнее управление! Понял меня, староста?! Теперь я её личный продюсер и кризис-менеджер. И если твоя девка прямо сейчас не найдёт способ снять с меня это древесное проклятие — я вас тут всех оптом прокляну по первому разряду! Устрою вам такую порчу урожая и дефолт, что до конца века лапти грызть будете! Всем всё понятно?!

Староста судорожно сглотнул и медленно, со страхом опустил вилы, а Глаша в пыли завывала ещё громче.

Лера же, поправив рукава своего огромного мешковатого худи, окинула их взглядом генерального директора, который только что закрыл убыточный филиал.

Она сделала шаг назад от забора, выпрямила спину и, гордо вскинув подбородок с яркой помадой, прошипела притихшему семейству:

— Всё, дорогие мои. Официально заявляю: болотная ведьма Матрёна отныне находится вне зоны доступа сети! Абонент временно недоступен! Сами теперь своих коров лечите от поноса, сами привороты на коленке варите и разбирайтесь со своими надоями. Или что она там ещё у вас в деревне делает? Всё, лавочка закрыта! Контракт аннулирован. Теперь Матрёна — моя личная защита от этого трухлявого пня, которого вы на меня натравили! И пока мы не снимем эту чёртову лозу с моей руки, к избушке даже близко не подходите. Техподдержка не работает!

Лера резко развернулась на пятках своих массивных кроссовок и, победно шурша лосинами, зашагала обратно в сторону окраины.

Напуганная до полусмерти деревня Вербицы провожала её гробовым молчанием — даже облезлый петух на заборе на всякий случай спрятал голову под крыло. Вернувшись на окраину после триумфального разгрома княжеского терема, Лера поняла, что расслабляться рано. Внешние рынки она построила, но внутренний офис ведьмы всё ещё требовал генеральной оптимизации.

Валерия критически осмотрела территорию вокруг избушки и решительно закатала рукава своего мешковатого худи. Картина была удручающей: вековые заросли чертополоха, крапивы и подозрительного болотного мха наступали на крыльцо со всех сторон.

— Так, Яша, открываем вторую фазу клининга, — скомандовала Лера, выходя во двор.

Следующие пару часов превратились в суровый спа-марафон в стиле «этно-фитнес». Лера яростно общипала траву вокруг крыльца, как могла, нещадно выдирая цепкие стебли прямо с корнями и оставляя после себя аккуратные, хоть и кривоватые проплешины чистой земли. Следом из тёмных недр избы были безжалостно эвакуированы старые, тяжеленные пыльные ковры, пахнувшие мышами и многовековым колдовством. Пыхтя и ругаясь сквозь зубы, Лера доволокла их до улицы и вывесила на покосившийся деревянный забор, нанеся сокрушительный удар по местной эстетике болотного уединения.

Стоило Валерии, утирая пот со лба, переступить порог избы, как Матрёна, ничуть не смущённая переменами, сунула ей прямо в руки два пустых деревянных ведра с железными ободками.

— На-ка, девица-краса, поработай ещё малость, — ведьма махнула костлявой рукой в сторону окна, указывая на дальний уголок двора, где под сенью старой ивы прятался бревенчатый сруб. — Сходи к колодцу, принеси водицы чистой. Котлы-то ты отмыла, а варить взвар вечерний не в чем. Давай, шевелись, пока солнце совсем за Бор не село.

Лера ошарашенно уставилась на тяжеленные деревянные кадушки в своих руках, а затем возмущённо выгнула идеально подведённую бровь:— Женщина, вы ничего не перепутали?! Я вообще-то секретарь в рекламном холдинге, а не качок в фитнес-клубе! У меня абонемент на пилатес и растяжку, я тяжелее папки с тендерной документацией в руках ничего не носила! У вас тут что, даже водопровода банального нет? Каменный век, честное слово! Куда смотрит ваша местная администрация?!

Несмотря на поток возмущений, Лера всё же плотно перехватила пальцами грубые дужки, развернулась и, забавно пружиня в своих кроссовках, направилась к колодцу.

Оказавшись у замшелого сруба, Валерия замерла. Около десяти минут она с глубочайшим недоумением рассматривала это чудо древнерусской инженерной мысли. Круглое бревно с железной ручкой-воротом, намотанная толстая цепь и пугающая темнота где-то там, на дне. Попытки аккуратно и цивилизованно спустить ведро на цепи провалились на первой же секунде — ручка закрутилась слишком быстро, едва не отдавив Лере безупречный маникюр.

— Ой, да в баню вашу консервативную логистику! — в сердцах рывкнула Лера.

Она просто с размаху бросила ведро прямо вниз, в колодезную темноту. Из глубины раздался гулкий, оглушительный *плюх*, эхом раскатившийся по округе. Цепь с грохотом размоталась до самого конца.

— Так, а теперь обратный процесс, — проворчала Лера, хватаясь обеими руками за железную ручку ворота. Начался суровый подъём груза. Ведро, налившееся ледяной колодезной водой, весило как хороший чемодан на регистрации в Шереметьево. Лера натужно пыталась, упиралась кроссовками в сырую землю, её чёрное каре растрепалось, а на лбу выступили капли пота. Она крутила этот несчастный ворот, чувствуя, как мышцы спины и рук кричат о немедленной замене на офисное кресло.

— У меня... точно... будет... грыжа! — сквозь зубы выдавливала Лера, делая очередной оборот ручки. — Качаю бицепс... ради ведьминского супа... Приеду в Москву — уволюсь и уйду в декрет, лишь бы ничего тяжелее бокала шампанского не поднимать!

Когда тяжело поблёскивающее ведро наконец показалось на уровне сруба, Лера победно выдохнула и с трудом перевалила его через край. Вода была ледяной и чистой, как хрусталь. На запястье Леры в этот момент чернильные лозы Нави коротко, предупреждающе звякнули внутренним холодом, словно напоминая: Хозяин леса близко, и он видит каждый её шаг.

Лера кое-как перехватила неподъёмные деревянные баулы с водой и, шатаясь из стороны в сторону, потащила их обратно в сторону дома. Балансировка была нулевая. Ледяная колодезная вода с каждым шагом выплёскивалась из краёв, щедро поливая утоптанную землю и новенькие белые кроссовки, которые на глазах превращались в серо-бурое нечто.

— Да ладно! Да вы издеваетесь! — яростно шипела Лера, пытая от тяжести и смешно поджимая пальцы ног в промокшей обуви. — Я так скоро вообще босая останусь! Сначала «лубутены» под списание, теперь кроссы утопила! У меня обувной бюджет на этот квартал не резиновый! Дикари, лапотная цивилизация!

На середине заросшей тропинки Лере внезапно преградил путь парень. Он был кучерявый, светловолосый, с охапкой задорных веснушек на носу и чистыми, по-детски удивлёнными синими глазами. Парень замер посреди дороги как вкопанный, округлив глаза, и принялся

ошарашенно разглядывать невиданное чудо: мешковатое чёрное худи, обтягивающие лосины и растрёпанное зеркальное каре с ярко-красными губами.

Лера остановилась, едва удерживая равновесие с вёдрами, тяжело перевела дух и сердито зыркнула на него:

— Чего замер, как стажёр перед генеральным?! На кастинг бесплатный пришёл? Вместо того чтобы глаза ломать, помог бы лучше девушке с тяжёлым багажом! Физический труд, между прочим, мужчин облагораживает!

Парень от её напористого сопрано тут же вздрогнул, захлопал ресницами и, повинувшись властному тону, инстинктивно перехватил из её рук обе кадучки. По его крепким рукам было видно, что для него этот вес — пустяк.

— К-куда нести-то, госпожа? — робко спросил он, переводя взгляд с Леры на воду.

— Туда, в офис на курьих ножках, — Лера небрежно мотнула головой в сторону покосившейся избушки Матрёны.

Парень проследил за её взглядом и тяжело, со содроганием сглотнул. Он пугливо посмотрел на Леру, у которой на запястье зловеще блеснула чёрная Навья метка, и шёпотом спросил:

— Ты что ж... новая ведьма, что ль, в Вербицах завелась? На смену Матрёне Навь тебя прислала?

Лера от такого заявления аж задохнулась от возмущения и яростно упёрла руки в свои обтянутые лосинами бока.

— Да что вы все тут обзываетесь?! Что за токсичный менталитет у вашей деревни?! Какая я тебе ведьма? Я за всю жизнь ни одной подлянки никому не сделала, чужого мужа из семьи не уводила, ни одной пенсионерки в автобусе не обидела! Обычная я, понял?! Из приличного рекламного холдинга! У меня высшее образование и диплом по связям с общественностью!

Она критически осмотрела веснушчатого парня сверху вниз. Тот под её профессиональным взглядом заметно засмутился и покраснел до самых ушей. Лера хмыкнула, поправила локон каре и добавила:

— Да, в Москве все мужики на ресепшене глаза ломают, глядя на меня, когда я кофе шефу несу. Но ты давай, глаза-то не ломай, слишком молодой ещё для таких топ-моделей. Неси молча и всё, выполняй поручение, пока взвар не остыл!

Парень покорно закивал, окончательно сбитый с толку Лериной красотой и её непонятными словами. Он послушно зашагал к ведьминому дому, бережно неся вёдра, а Лера похромала следом в мокрых кроссовках, мысленно ставя галочку: *«Один лояльный сотрудник в этой глухомани у меня уже есть»*.

Глава 7

Кастинг для синеглазого и ведьмины пророчества

Дверь избушки с грохотом распахнулась. Матрёна, стоявшая у печи с пучком сушёного зверобоя в руках, обернулась и застыла на месте. Её костлявые пальцы разжались, и трава сухим дождём посыпалась на свежeweымытый Лерой пол.

В избу, тяжело дыша, но упрямо расправив плечи, вошёл Иван. В его крепких руках послушно поблёскивали кадушки с ледяной водой. Следом, грациозно покачивая бёдрами в обтягивающих лосинах, шествовала Лера, победно поправляя безупречное каре.

— Батюшки... Навь пресветлая... — просипела Матрёна, хватаясь за сердце. Её живые карие глаза готовы были выскочить из орбит от полнейшего шока. — Это что ж делается-то? Ты как умудрилась первого парня на деревне, сокола нашего синеглазого, в водоносы к себе приставить, фифа городская?! Да его родной отец допроситься не может дров наколоть, а тут... с вёдрами! У Матрёны на крыльце!

Иван от таких слов старухи густо покраснел, бережно опустил вёдра у порога и принялся неловко переминаясь с ноги на ногу, не зная, куда деть свои ручки.

Матрёна тем временем подошла ближе, подозрительно прищурилась, переводя взгляд с Леры на парня, и вдруг заговорщически прошептала девке на ухо, хотя слышно было на всю избу:

— Дурная, так это ж и есть тот самый Иван! Из-за которого Глашка, старостина дочка, взвар-то заговорённый варила! Из-за которого Любавку извести решила, чтоб ей пусто было!

Лера резко замерла. Её глаза хищно сузились. Она медленно повернулась к кучерявому красавцу и окинула его таким долгим, оценивающим взглядом, каким кадровики в рекламном холдинге осматривают перспективных соискателей на топовую должность.

«Так вот ты какой, местный приз зрительских симпатий», — пронеслось в её голове.

На губах Леры заиграла хитрая, обворожительная улыбка личного помощника, которому нужно срочно подписать у капризного клиента важный контракт. Она сделала шаг вперёд, сокращая дистанцию до минимума, и изящно, едва касаясь кончиками пальцев его широкой груди, заглянула прямо в его растерянные синие глаза.

— Ну надо же... Какая встреча, — промурлыкала Лера, слегка наклонив голову. От неё по-прежнему пахло роскошным вишнёвым парфюмом, отчего Иван окончательно потерял дар речи. — Спасибо за помощь, Ванечка. Настоящий мужчина, сразу видно. Слушай, а Расскажи-ка мне, дорогой... В каких таких отношениях ты состоишь с нашей общей знакомой Глашей? Она тут по тебе так сохнет, что аж на криминал пошла. У вас там что, безответная любовь или незавершённый гештальт? Иван судорожно сглотнул, чувствуя, как от тепла её ладони через рубаху бьёт самый настоящий электрический разряд. Он пугливо покосился на ведьму, а затем, заикаясь, выдавил:

— Д-да нет у нас ничего с Аграфьей Даниловной! И не было отродясь! У меня... у меня невеста уже есть, Любава. Мы с ней... это... любимся крепко. Через две луны, как урожай соберём, свадьбу сыграем! Отец благословил!

Лера тут же удивлённо вздёрнула свои безупречные брови. В её мозге пазл мгновенно сложился в чёткую картину.

— А-а-а, ну теперь всё понятно, — понимающе хмыкнула она, убирая руку с его груди. — Парень уже выбрал другую, активы распределены, а эта парчовая корова уgomониться не может и пытается удержать клиента незаконными методами. Классика офисных войн!

Валерия снова сделала шаг назад, вернув себе маску недостижимой столичной богини. Она посмотрела на парня и проговорила бархатным, томным голосом с лёгким придыханием:

— Ладно... Ступай, Иван. Ступай, дорогой. Свою задачу ты выполнил на отлично, КРП закрыт.

Веснушчатый парень снова вспыхнул до самых ушей, очарованно кивнул ей и, словно под гипнозом, попятился к выходу из избы, вообще не разбирая дороги. Лера вдруг звонко окликнула его, едва сдерживая смех:

— Эй, Ваня! Сдаётся мне, ты к колодцу-то изначально за водой шёл, а не с пустыми руками по деревне гулять?

Иван опустил взгляд на свои пустые ладони, сообразил, что оставил собственные вёдра у колодца, когда бросился спасать Леру, и зарумянился так густо, что веснушки на носу почти пропали.

— Ой... — глупо ухмыльнулся он, крутанулся на пятках и пулей припустил в сторону колодца. Правда, даже убегая, он умудрился ещё пару раз обернуться, чтобы затылком не врезаться в иву, лишь бы ещё разок глянуть на коротковолосую чужестранку.

Старая Матрёна проводила парня взглядом, закрыла за ним дверь и, повернувшись к Лере, обречённо покачала седой головой.

— Глупая ты, девка, ох глупая, — укоризненно проворчала ведьма, возвращаясь к своим мешочкам с маком. — Мужики они в Вербицах ветреные, что твой майский ветерок. Иван-то парень добрый, да только молодой ещё, зелёный. Сейчас влюбится в тебя по самые уши, дурак синеглазый, да и бросит свою Любавку ради твоих алых губ заморских и речей непонятных. А Любаве потом слезы лить? Зачем парню голову дуришь, коли сама к Лешему в невесты записана?

Лера лишь фыркнула, вальяжно усаживаясь на чистую лавку и доставая из сумочки зеркальце, чтобы проверить, не размазалась ли помада после такого блистательного стресс-интервью.

— Да брось ты, Яша, — Лера небрежно отмахнулась, даже не отрываясь от зеркальца. — А твоя Любава пусть носом не щёлкает, а бдит за своим парнем, и никто тогда от неё не уйдёт. У нас в маркетинге это называется «удержание целевой аудитории». Ты мне лучше отворот, бабулечка, ищи! Иначе я тут с вами всеми с ума сойду. У меня уже руки болят от твоих вёдер дурацких!

Старая Матрёна лишь хрипло усмехнулась, хитро сощутив глаза:

— Руки у неё болят, ишь ты... Да ты ж вёдра-то эти даже не притащила сама! Ванька за тебя всю работу сдюжил.

Валерия тут же опустила зеркальце и возмущённо, с неподдельной обидой уставилась на старуху.

— Да ладно?! Я вообще-то вашу баранку колодезную крутила! — Лера подскочила с лавки. — Мозоль, смотри, какая огромная! Почти производственная травма!

Она с драматичным вздохом ткнула свою изящную ладонь с идеальным маникюром прямо бабке под нос. Матрёна пригляделась, завидев на нежной коже малюсенькую, едва заметную розовую точку, и рассмеялась своим сухим, хриловатым голосом.

— Вот тебе мозоль, девка балованная! — ведьма с ухмылкой сунула ей в ответ свою руку — шершавую, тёмную от вьёвшегося сока трав, с кожей, похожей на столетнюю дубовую кору.

Лера тут же выпучила глаза, и её столичный скепсис мгновенно сменился бьюти-паникой.

— Так, стоп... Ты что молчала-то, бабулечка-седулечка?! — в ужасе вскрикнула Валерия. — Это же тотальное обезвоживание эпидермиса! Шелушение высшей категории! Как ты с такими руками вообще зелья варишь, они же у тебя чешутся, наверное!

Лера мгновенно переключилась в режим спасательной операции. Она бросилась к розовому чемодану поменьше, лихорадочно зашуршала молниями и выудила оттуда большой

тюбик дорогого питательного крема для рук с маслом ши и ароматом кокоса. Решительным шагом вернувшись к столу, она уселась рядом с Матрёной на лавку.

— Ну-ка, дай сюда конечности, — скомандовала Лера, бесцеремонно перехватывая старушечью руку.

Бабка испуганно зашевелилась, заохала, зашептала было какое-то защитное заклинание и попыталась вырваться:

— Черт заморский! Отрекись! Ты что это в меня втираешь, ведьма короткополая?! Отравить решила?! — Сиди тихо, Яша, это премиум-уход! — рявкнула Лера, удерживая её руку в сопротивлении и щедро выдавливая белую ароматную массу прямо на её ладони.

Она принялась уверенными, массажными движениями втирать крем в сухую ведьмину кожу. Бабка Матрёна продолжала бубнить, шипеть и подозрительно коситься на тюбик, но уже через минуту затихла. Крем впитался мгновенно, а по избе разнёсся умопомрачительный, сладкий тропический запах. Матрёна ошарашенно погладила свои пальцы, которые впервые за последние полвека стали мягкими и перестали колоться.

— Ну вот, — Лера с победным видом сунула ей в руки тюбик. — Ещё вечером перед сном намажь, и так каждый день, поняла? Ручки сразу бархатные станут, как у шёлковой княгини. Негоже бабулечке с такими руками ходить, ты же у нас лицо местного магического бизнеса!

Она поднялась, удовлетворённо захлопнула чемодан и окинула избу свежим, предпринимательским взглядом. Глаза Валерии лихорадочно заблестели от внезапно осенившей её гениальной стартап-идеи.

— И вообще... — Лера победно улыбнулась, уперев руки в бока. — Мы с тобой тут такой быюти-сферу развернём — все Вербицы ахнут! Прямо в этой избе салон красоты откроем. Пусть местные девки к нам приходят, мы их тут так намалюем, такие патчи наклеим и стрелки нарисуем, что ни один Иван от них в жизни не уйдёт! Устроим Любаве полный апгрейд. А вот Глашке... — Лера хищно прищурилась, — Глашке вход только по двойной оплате и без скидок за лояльность! Будет знать, как чужие отпуска срывать и заговоры на полено крутить!

Матрёна ошалело перевела взгляд с пахнущих кокосом ладоней на Леру, а чёрный кот на печи тихонько мяукнул, явно одобряя новый бизнес-план по захвату деревенского рынка.

За окнами избушки сгустилась глухая, непроглядная Навья ночь. Лес вокруг Вербиц затих, укутавшись в тяжёлый фосфоресцирующий туман. Изба Матрёны погрузилась в полумрак, нарушаемый лишь мерным потрескиванием остывающей печи.

Участники дневного клининг-марафона наконец-то улеглись спать. Матрёна привычно устроилась на тёплой печи, тихонько посапывая под лоскутным одеялом. Лера же, наотрез отказавшись лечь на жёсткую солому, соорудила себе царское ложе на деревянной кровати, застелив её всеми шёлковыми платьями из чемодана и подложив под голову надувную дорожную подушку.

Но Чёрный Бор не собирался спать. В глухой предрассветный час к избушке снова беззвучно подобрался Леший. На этот раз он действовал тише вора. Огромная древесная тень скользнула к мутному стеклу, и в темноту избы уставились два жутких, багрово-красных глаза.

Чёрный кот, который мирно дремал на подоконнике, мгновенно вздыбил шерсть, прижал уши и истошно, утробно зашипел на лесного гостя. Но Валерия, которая за эти сумасшедшие дни успела пережить падение из портала, навести клининг, разгромить старосту и прокрутить ржавый колодезный ворот, спала без задних ног. Дикий кошачий шип пробился сквозь её сон, до безумия раздражая уставший мозг.

— М-м-м... Да заткнись ты, Аркадий Борисович... — пробормотала Лера во сне, принимаясь вслепую шарить рукой по полу.

Нащупав свой мягкий ярко-розовый пушистый тапочек с помпоном, она наотмашь швырнула его в сторону подоконника и сердито прошипела:

— Спи давай! У нас завтра с бабулечкой сложный день, открытие салона, запуск таргета... Уволю к чёртовой матери!

Тапочек мягко прилетел коту точно в бок. Кот оскорблённо заткнулся и спрыгнул на пол, а Леший за окном на мгновение замер, окончательно ошарашенный такой реакцией на своё хтоническое присутствие.

Поняв, что грубой силой и шипением эту девку не взять, Хозяин леса решил действовать хитрее. Он не стал ломать доски и крушить обереги. Навья магия взвара внутри Леры послушно отозвалась на его безмолвный призыв. Воздух в избе налился ледяным туманом, а из-за двери слышался тихий, вкрадчивый, шёлковый шёпот, который звал её, эхом перекачиваясь под потолком:

— Иди-и-и ко мне-е-е... На-а-авья не-е-е-еста-а-а...

Лера словно в глубоком гипнозе медленно поднялась с постели. Её глаза были полужакрыты, лицо оставалось абсолютно безэмоциональным. Она спустила ноги на пол и босая, плавно покачиваясь в своей пижаме, направилась напрямик к забаррикадированной чемоданами двери. Шаг, ещё шаг... Её пальцы уже протянулись к засову, как вдруг пальцы её правой ноги наткнулись на невидимую преграду. Прямо у порога Матрёна с вечера насыпала толстую полосу заговорённой четверговой соли с полыньёю.

Стоило Лере наступить на неё, как магия Нави внутри узора на руке с треском заколотила. На печи в ту же секунду приоткрылся один хитрый ведьмин глаз. Матрёна тихонько, победно усмехнулась — её охранная система сработала без сбоев. Протянув руку к полке, где сушились старые вещи, ведьма безжалостно схватила тяжеленный шерстяной валенок и метко запустила им прямо в голову зазомбированной Лере.

Бамс!

Валенок мягко, но весомо приземлился Лере точно в затылок.

— Ой! — Валерия мгновенно выскочила из гипнотического транса. Она испуганно закрутила головой, судорожно потирая ушибленное место, и окончательно проснулась. — Какого черта?! Кто кинул в меня зимнюю обувь?!

Она сердито обернулась и наткнулась взглядом на мутное окошко, за которым по-прежнему полыхали два огромных багровых глаза, пристально следящих за каждым её движением.

— Спасите-помогите! — тоненько, панически пискнула Лера, растеряв всю свою офисную спесь.

Забыв про манифест, она в одну секунду, путаясь в пижамных штанах, взлетела по деревянной лесенке прямо на печь к ведьме. С размаху запрыгнув на тёплые кирпичи, она с головой залезла под лоскутное одеяло, вцепившись в Матрёну и испуганно выставив наружу только нос.

— Сама спи на этой дурацкой кровати! — пропищала Лера, со страхом прячась за широкую ведьмину спину. — Там нарушены все стандарты безопасности труда! Там из окон гигантские фонари багровые смотрят!

Старая Матрёна лишь хрипло рассмеялась, довольная тем, что спесивая городская фифа наконец-то признала авторитет древнерусской печи. Она добродушно покачала седой головой, покрепче укутала Леру одеялом, пахнувшим кокосовым кремом, и они вместе улеглись на тёплых кирпичях. Следом за ними по лесенке бесшумно взлетел оскорблённый кот — он запрыгнул Лере прямо в ноги, свернулся клубком и сыто заурчал. Постепенно глаза за окном растворились в утреннем тумане, и Леший отступил обратно в чащу Черного Бора.

Засыпая в относительной безопасности, Лера сонно зашептала ведьме в ухо:

— Слышишь, Яша... Отвадь его как-нибудь, умоляю. Найди этот чертов отворот. Иначе... иначе мне придётся достать из чемодана пилку для ногтей со стопроцентной абразивностью и лично распилить этого лесного сталкера на мелкие дрова... Поняла? Матрёна лишь тихо улыбнулась в темноту, засыпая под мерное кошачье мурлыканье.

Глава 8

Эстетический кризис и утренние стандарты

На рассвете Лера проснулась вовсе не от приятного аромата свежесваренного капучино, не от ласкового шума морского прибоя и даже не от лучика солнца на дорогом курорте. Её бесцеремонно выдернул из сна назойливый, оглушительный, переливчатый ор петухов, который катился волной по всей деревне. В довершение ко всему в нос ударил стойкий, родной запах очередного болотного тумана, пробравшегося сквозь щели избушки.

Валерия с яростным шипением откинула лоскутное одеяло. Осознание того, что всё происходящее — это снова не предполётный кошмар секретаря, а суровая реальность, накрыло её с головой. Она уже вторую ночь просыпалась в этом богом забытом месте.

— Ну зашибись... — тяжело, обречённо выдохнула Лера, садясь на тёплых кирпичках и подтягивая колени к груди.

— Проснулась, девица-краса? — проговорила Матрёна, лукаво усмехаясь из-за стола. Старуха уже вовсю шуршала какими-то корешками. — Так-то обед на дворе уже! Вся деревня дела переделала: бабы коров подоили, мужики в поле ушли, Глашка вон у терема третий платок от слёз сушит... А ты только-только очи свои накрашенные открываешь.

Лера тяжело зевнула, забавно сморщив нос, и сладко потянулась, аккуратно спрыгивая с печи прямо в свои пушистые розовые тапочки. Сонно шаркая ногами, она подошла к маленькому, потемневшему от времени зеркальцу, висевшему на стене ведьмы, заглянула в него и тут же испуганно пискнула.

Из отражения на неё смотрело нечто с угольно-чёрным каре, которое после бурной ночи на печи торчало сухими иглами в абсолютно разные стороны.

— О-о-о, кошмар... Зря я вчера голову не мыла! — трагично проговорила Лера, пытаясь пальцами пригладить непослушные пряди. — Весь объём ушёл в печные кирпичи. И вообще, Яша, где у вас тут помыться нормально можно? Мне эти твои глиняные кувшинчики для подмывки попки уже поперёк горла стоят! Сплошное издевательство над гигиеной!

Матрёна аж маковый корень из рук выронила и строго, с искренним возмущением покосилась на городскую гостью:

— Вообще-то кувшинчик этот, бесстыжая ты девка, был для умывания лица предначертан! Из него ещё прабабка моя святой водицей щёки мыла!

Лера лишь равнодушно пожала плечами, доставая из чемодана зубную щётку и пасту.

— Ой, да ладно тебе, какая разница, логистика-то одна и та же. Я и так уже смирилась с твоим уличным туалетом, — недовольно проворчала она, выдавливая мятный гель. — Это же не санузел, это экстремальный аттракцион «*Выживи в темноте*». Мне из-за него приходится всю ночь терпеть! А то выйдешь туда в пижаме, расслабишься, а из кустов твой Леший багровыми глазами подмигнёт. Нападёт в самый неподходящий момент, утащит в Навь прямо без трусов — это ж какой позор для холдинга будет! Какая у меня после этого репутация в приличном обществе?! Давай, бабулечка-седулечка, организуй мне нормальный душ! Нагрей огромный чан воды, — безапелляционно скомандовала Лера, вытирая лицо полотенцем. — Сил моих больше нет в этих кувшинчиках плескаться.

Матрёна от такого приказа аж крикнула, но спорить со столичным топ-менеджером не решилась.

Почесав седой затылок, она проворчала:

— Зачем чан посреди хаты городить, сырость разводить? Можно ведь в местную баньку сходить, на окраине стоит. Я Банника нашего, духа подпечного, уважу, гостинцев ему дам — он всё в лучшем виде подготовит. И водицу согреет, и парок лёгкий пустит.

Лера довольна, царственно кивнула:

— Отличный аутсорсинг, одобряю. Иди договаривайся с банным подрядчиком.

Матрёна тут же шмыгнула за дверь, оставив Леру наедине с её быти-проблемами. Валерия критически осмотрела в зеркало торчащее в разные стороны каре. Понимая, что идеальной укладки утюжком сегодня не выйдет, она ловко заплела волосы, прихватив непослушные пряди прямо у лица, и аккуратно заколола их сзади маленьким пластиковым крабиком.

День обещал быть невероятно душным — солнце палило нещадно, а воздух казался густым, как ягодный кисель. Лера без лишних раздумий натянула короткие шорты, лёгкую белую майку на бретельках и выудила из недр чемодана резиновые пляжные шлёпанцы. Собрав банный набор (шампунь, бальзам и скраб с ароматом кофе), она решительно направилась на улицу.

Выйдя на крыльцо, Лера блаженно зажмурилась, подставляя лицо горячим лучам, и глубоко вдохнула раскалённый солнечный воздух. Но стоило ей расслабиться, как совсем рядом кто-то очень ласково и тихо проговорил:

— Доброе утро...

Лера от неожиданности вздрогнула, едва не выронив кофейный скраб, и резко открыла глаза. Возле крыльца стоял вчерашний кучерявый красавец Иван. Парень явно караулил её у избушки, но увидеть городскую богиню в таком наряде он никак не ожидал. В ту же секунду Иван опешил, густо, побагровел до самых ушей и, испуганно ткнув в неё пальцем, резко отвернулся спиной к крыльцу.

— Прости, госпожа! — заикаясь от стыда, запричитал он в пустоту. — Что ж ты... без сарафана-то на улицу вышагнула?! Почто в одних панталонах-то перед честным людом стоишь?! Срамота какая, Навь меня побери...

Лера озадаченно осмотрела свой безупречный вид, выгнула бровь и язвительно хмыкнула:

— Мужчина, повернись и не ори. Вообще-то панталоны я не ношу — это прошлый век и тотальная безвкусица. И я более чем одета, между прочим! На мне брендовая майка и шорты. Ты знаешь вообще, сколько они стоят?!

Иван осторожно, боясь ослепнуть от бесстыдства, снова повернулся к ней. Он сощурился, критически осмотрел её длинные голые ноги, открытые плечи и недоверчиво почесал затылок:

— Да ладно тебе баять, госпожа... У моей бабки раньше сарафан старый в сундуке лежал, его мыши начисто погрызли — одни лоскуты остались. Так вот у тебя с этими трусами твоими — точь-в-точь то же самое!

Лера возмущённо фыркнула, поправляя крабик на волосах, упрямо упёрла руки в бока и строго спросила:

— Так, эксперт по мышинной моде, чего пришёл-то? Иван под её строгим взглядом моментально растерял всю критику, снова засмутился и тихонько проговорил:

— Да помочи тебе пришёл... Думаю, может, воды ещё принести? Али траву где скосить около хаты, чтоб тебе ходить сподручнее было? Ты только скажи, я всё сделаю...

Лера сначала искренне обрадовалась — бесплатная рабочая сила на объекте всегда кстати. Но в следующую секунду в её мозге сработал триггер Навьих предсказаний Матрёны. *«Бросит свою Любавку ради твоих алых губ...»* Валерия нахмурилась и решительно заблокировала этот потенциальный служебный роман.

— Так, Ванечка, стоп, — Лера строго упёрла руки в свои шорты. — Помоги, конечно. Иди к своей Любаве и там коси, понял?! Проявляй инициативу на своей целевой аудитории! Я не такая, чужих женихов не увожу, у меня кристально чистая деловая репутация. И вообще,

мне мужчины постарше нравятся — солидные, со стабильным доходом и без венушек на носу. Я для тебя, между прочим, уже взрослая тётя! Мне, на минуточку, целых двадцать четыре года! А тебе сколько, парню на выданье? Наверное, едва двадцать стукнуло?

Иван смущённо опустил глаза, принялся ковырять носком лаптя пыль и тихонько, почти шёпотом выдал:

— Мне... семнадцать годков зимой исполнилось, госпожа...

Лера от такой цифры буквально выпятила глаза и едва не выронила банное полотенце. Она ещё раз ошарашенно осмотрела его сверху вниз. Парень явно выглядел намного старше своих лет: широкоплечий, высокий, мужественный, с сильными руками и уверенной осанкой — настоящий древнерусский богатырь, а по паспорту (которого тут не было) — чистый несовершеннолетний школьник!

— Семнадцать?! — вскрикнула Лера, окончательно растеряв весь свой томный пафос. — Святые угодники, да ты же ребёнок! Мальчик, быстро взял свои лапти в руки и иди к своей девчонке! Не пудри тёте мозги, мне ещё статьи за соращение малолетних в чужом мире не хватало! Марш отсюда, пока я Матрёну с веником не позвала!

Иван испуганно захлопал ресницами, обиженно шмыгнул носом и, поняв, что «взрослая тётя» настроена максимально агрессивно, попятился назад, снова и снова оборачиваясь на её невероятные шорты.

— Иди-иди, и не оборачивайся! Нечего на мои панталоны лицезреть! — прикрикнула Лера ему вдогонку, забавно погрозив кофейным скрабом. — Маленький ещё на такую высокую моду смотреть! Глаза сломаешь!

Иван в очередной раз споткнулся о корягу, густо покраснел и, наконец, припустил по тропинке во всю прыть, скрываясь в облаке деревенской пыли.

Лера проводила его ошарашенным взглядом, тяжело вздохнула и скрестила руки на груди, качая головой.

— Вы только подумайте — возмущённо высказалась она сама себе в пустоту душевного двора. — Замуж они собрались в семнадцать лет! Женихи выискались лапотные! Ни образования, ни карьерных перспектив, ни подушки безопасности, зато туда же — ячейку общества создавать! Дедлайн у них, видите ли, урожай собрать!

Она сделала шаг с крыльца в своих резиновых шлёпанцах, но внезапно вспомнила ещё одну важную деталь. Лера резко развернулась в сторону уходящей пыли и со всей секретарской строгостью крикнула на всю окраину Вербиц:

— Слышь, Ваня! Иди книжки лучше читай! К ЕГЭ готовься, понял?! Тебе профильную математику сдавать, а ты за девками в шортах по болотам бегаешь! Поступишь на бюджет — тогда и поговорим про личную жизнь!

Где-то далеко в кустах испуганно ухнула сова, а Иван, который, естественно, понятия не имел, кто такой загадочный и грозный зверь «ЕГЭ» и зачем к нему готовиться, на всякий случай прибавил ходу, окончательно убедившись: новая заморская ведьма Матрёны способна насыпать самые страшные, непонятные проклятия прямо на расстоянии.

Лера удовлетворённо хмыкнула, поправила крабик на затылке и поудобнее перехватила полотенце. В этот момент из-за угла избышки показалась Матрёна. Старуха победно улыбалась, вытирая пахнущие кокосовым кремом ладони о подол:

— Ну всё, девка, радуйся! С Банником я потолковала, кваску ему на печку плеснула, уважила хозяина. Банька истоплена, парок самый цивилизованный, как ты просила! Ступай, смой с себя хмуру Навью.

— Наконец-то, — выдохнула Лера, переводя дух. — Пятизвёздочный спа-курорт «*Вербицы-Лакшери*» объявляется открытым. Показывай дорогу, Яша.

Банька пристроилась на самом краю ведьминога огорода, у раскидистой плакучей ивы. Сложенная из старых, почерневших от времени и влаги брёвен, она низко выросла в землю и

выглядела довольно невзрачно. Но из её деревянной трубы уже валил густой, белый, пахнущий берёзовым листом и распаренной хвоей дым.

Лера толкнула низкую скрипучую дверь и, пригнув голову, шагнула в предбанник, а оттуда — прямоком в мыльню. Внутри царил густой, влажный полумрак. Парок был знатный — тёплый, обволакивающий. На широких бревенчатых полках аккуратно лежали свежие веники, а в углу, на раскалённых камнях каменки, весело шипела вода. Но стоило Лере опустить свой бьюти-набор на лавку, как в углу за огромной деревянной кадучкой кто-то зловеще и шумно завозился.

Из темноты, отряхиваясь от обрывков сухих листьев, выползло странное существо. Ростом оно было едва Лере по пояс. Маленький, жутко лохматый, покрытый вековой сажей и облепленный берёзовыми гнилушками, дух бани уставился на неё своими круглыми, как плоски, углями-глазами. Борода у него была из мха, а из ушей торчали сухие веточки.

— Ишь ты, припожаловала... Чужестранка коротковолосая! — проскрипел дух противным, надтреснутым голосом. — А звать меня Вакула! Я тут хозяин! Я тут кости парю!

— Ой, мамочки! — испуганно пискнула Лера, отступая на шаг и инстинктивно вжимая голову в плечи.

Первая мысль была — бежать обратно к Матрёне. Но столичный характер и дикое желание нормально помыться перевесили страх. Лера мгновенно разозлилась на такое бесцеремонное нарушение её личных границ. Вцепившись в пластиковую банку, она со всей пролетарской яростью швырнула свой кофейный блестящий скраб точно в лохматую морду Вакулы.

— А ну пошёл вон отсюда, вуайерист чумазый! — яростно прикрикнула Лера.

Она ловко перехватила стоящий у стены берёзовый веник и принялась воинственно махать им перед носом ошалевшего духа, безжалостно выгоняя его к выходу.

— Ишь, устроился! Нечего тут стоять и любоваться на прелести приличных женщин! Подождите за дверью, мужчина! У нас в холдинге за такое сразу статья и увольнение по статье за харассмент! Пошёл вон, кому говорю!

Банник Вакула от такого невиданного хамства совершенно опешил. За всю свою многовековую жизнь он привык, что деревенские бабы заходят в мыльню с поклоном, оставляют ему корочку хлеба и пищат от любого шороха. А тут его, хозяина парной, лупят его же берёзовым веником и закидывают пахучей заморской грязью в блестящей банке!

— Да ты что ж творишь, девка окаянная?! — брызжа слюной, яростно закричал Вакула, пытаясь уворачиваться от веника. — Это моя баня! Мой полук! Я тут законы пишу! Да я тебя сейчас угаром изведу! Задушу в чаду, запарю до костей, Навь тебя побери! Узнаешь, как Вакулу гнать!

— Слышь, дедуля, пуганых пугать не надо! — Лера наподдала веником ещё раз, выставив его за порог мыльни. — Меня на прошлой неделе генеральный директор за утерянный годовой отчёт обещал живьём закопать, так что твои болотные угрозы — это просто детский лепет! Иди лучше на свежем воздухе подыши, вентиляцию лёгких проведи! Проветрись, Вакула!

С этими словами Лера с грохотом захлопнула перед его сажевым носом дверь и решительно заперла её на толстый деревянный засов.

Следующий час превратился для неё в истинное блаженство. Лера дорвалась до горячей воды. Она тщательно, дважды промыла своё угольно-чёрное каре дорогим шампунем, нанесла бальзам, а затем с ног до головы отскрабила кожу кофейным средством, смывая с себя остатки Навьего липкого взвара, дорожную пыль и весь накопленный стресс.

Закончив водные процедуры, она ловко повязала на голове замысловатую, высокую чалму из махрового полотенца, как привыкла делать в спа-салонах Москвы. Из чемодана Леры был извлечён новый наряд: лёгкий, струящийся голубой сарафан на тонких бретельках, едва достигающий до середины бедра, и те самые резиновые шлёпанцы.

Собрав в охапку свои косметические уходовые средства и баночки, Лера, распаренная, разгорячённая, с порозовевшими щёчками, победно толкнула дверь и вышла на улицу.

На деревянной лавочке у предбанника, обиженно надув щёки и гадко бурча под нос, сидел Банник Вакула, забавно болтая своими маленькими грязными ножками. Стоило Леры появиться на пороге, как он хотел было снова начать ругаться, но Валерия его опередила.

Она остановилась, еле удерживая руками на голове тяжелую полотенчную чалму, и вдруг искренне, с уважением наклонилась и слегка поклонилась маленькому духу. На её губах играла довольная, сытая улыбка.

— Ох, Вакула... — с чувством проговорила Лера, блаженно зажмурившись. — Знаешь что... Отродясь я так не мылась! Никакие хаммамы и пятизвёздочные джакузи в Дубае рядом не стояли с твоим парком. Я словно заново родилась!

Кожа — просто шёлк, поры дышат. Ты настоящий профессионал своего дела, уровень сервиса — топ! Лохматый Банник от такой внезапной и щедрой похвалы моментально растаял. Вся его навья злость куда-то улетучилась, угли-глаза заблестели от искренней гордости, а мохнатая борода забавно затряслась от радости. Он приосанился, гордо выпятил грудь и захлопал ладошками по лавке:

— А то-то же! — радостно заверещал Вакула, зазывающе маша ручкой. — Угодил, значит, заморской гостье! Моё чародейство банное завсегда лучшее! Ты приходи ещё, девица-краса! Я тебе в следующий раз такого парку поддам, с травками целебными, ух! Приходи, не стесняйся!

Лера, уже ступив на тропинку, лукаво обернулась и шутливо пригрозила ему пальцем с идеальным маникюром:

— Ну уж нет, дедуля! Приду, конечно, но ты мне тут правила конфиденциальности соблюдай. Выходи на улицу, когда девушка моется, понял? Стыдоба же! Ишь, плут старый, подглядывать он вздумал! Контролируй свои порывы!

Вакула лишь смущённо хмыкнул и зарылся обратно в свои берёзовые листья, а довольная, чистая и благоухающая кокосом и кофе Лера весело зашагала в сторону избы, готовая к новым бизнес-свершениям.

Глава 9

Стартап на бересте и рекламная кампания Ближе к вечеру, когда душный зной Вербиц сменился первыми прохладными тенями, Лера развернула полномасштабную маркетинговую кампанию. Из печи был безжалостно извлечён крупный кусок древесного угля, а во дворе конфискован приличный пласт свежей берёзовой коры.

Поскольку дизайнерских программ в славянскую деревню не завозили, Лере пришлось работать руками. На белой изнанке бересты она чётким, каллиграфическим почерком вывела: **«САЛОН КРАСОТЫ „В НАВИ“. VIP-УХОД»**.

Чуть ниже, для наглядности целевой аудитории, Лера углём схематично набросала рекламные картинки: идеальную женскую ножку в босоножке на шпильке (символ лакшери-жизни) и баночку крема, от которой во все стороны расходились сияющие лучи. Выглядел этот славянский билборд модно, дерзко и пугающе.

Подхватив рекламный щит, Лера вышла к заборчику и с помощью увесистого булыжника намертво приколотила бересту ржавым гвоздем к покосившейся перекладине.

Деревенские жители, завидев издали копошашуюся на окраине голубую фурию в минисарафане, начали испуганно скапливаться на безопасном расстоянии. Мужики и бабы испуганно охали, вытягивали шеи и крестились, разглядывая чёрные угли на коре.

— Гляди, Данилыч, опять на забор чернокожице налепила! — шушукались в толпе. — Знаки-то, знаки какие страшные! Поперечные палочки, кружочки... Точно порчу на скотину шлёт!

Лера же, совершенно не смущаясь, принялась расхаживать вдоль забора, грациозно попружинивая в шлёпанцах, и во всю глотку зазывать клиенток:

— Девочки! Девушки, подходим, не стесняемся! Первая процедура — бесплатный тест-драйв! Хватит ходить с пятками, похожими на кору столетнего дуба! Скоро осень, урожай соберёте, а на свидание пойти не в чем! Записываемся на бьюти-модификацию!

Деревенские девчонки, заинтригованные сладким кокосовым ароматом и невиданным голубым нарядом Леры, робко подались было вперёд. Но не тут-то было. Суровые деревенские женщины мгновенно хватали своих дочерей за длинные русые косы, дергали назад и яростно ругали на всю улицу:

— Куда попёрлась, дура непутёвая?! И шагу сметь не смей туда! Ишь, вырядилась в лоскуты мышинные, привлекает! Обернёт в жабу, и глазом моргнуть не успеешь! Дома сиди, репу чисти!

Толпа гудела, но продвижения по воронке продаж не было. Главный факап Леркиного маркетинга заключался в суровой местной специфике: читать в Вербицах практически никто не умел. А те немногие, кто по складам мог разобрать буквы, впадали в глубокий ступор. Неведомые, хтонические слова «салон», «педикюр» и «VIP» они отродясь не знали. Для них это звучало как имена высших демонов Нави, которых коротковолосая ведьма призвала охранять её избушку.

Однако, когда толпа понемногу начала расходиться по домам загонять коров, из-за кустов чертополоха тайком пробралась Глаша. Княжне было безумно страшно, её кокошник сидел на голове ровно, но девичье любопытство и желание вернуть Ивана перевесили гордость.

Она испуганно оглядывалась, вжав голову в плечи, и медленно подошла к берестяной рекламе, лихорадочно пытаясь понять по картинке со шпилькой, что же за новое, невиданное колдовство изобрела её городская соперница.

Глаша стояла у берестяного билборда, вытянув шею и едва ли не носом утыкаясь в угольный рисунок шпильки. Она лихорадочно соображала, на какую часть тела нужно наносить этот VIP-уход и не вызовет ли он прыщи по всему лицу.

— Бу-у-у! — резко, с оглушительным криком выскочила Лера прямо из-за забора, сокрушая кусты чертополоха своими резиновыми шлёпанцами.

— А-а-а-ай! — истошно взвизгнула Глаша, подпрыгнув на месте, отчего её кокошник окончательно завалился набок, а сама она едва не пропахала носом пыльную дорогу.

Лера мгновенно упёрла руки в бока и хищно, торжествуя прищурилась:

— Так-так-так! Нарушительница патентного права явилась! Ну, раз ты у нас первый официальный лид в воронке продаж, с тебя и начнём. Заходи на досудебное урегулирование, Аграфья Даниловна!

Вот тут-то Леркина душенька и решила отомстить за всё: за сорванный отпуск, за погибшие туфли Louboutin и за ночное дежурство на жёсткой печке. Она уцепила княжну за рукав и бесцеремонно усадила её на колченогий табурет прямо у входа в избу, на глазах у затаившейся в кустах деревни.

— Сиди тихо и не дёргайся, сейчас мы проведём тебе ребрендинг по высшему разряду! — прикрикнула Лера, доставая из сумочки свой самый бронебойный арсенал.

И началась великая месть за пролитый компот. Валерия вооружилась чёрным карандашом для бровей и лёгкой рукой вывела Глаше такие огромные, монолитные, угольные дуги вразлёт, каким позавидовал бы сам кавказский орёл. Следом пошла ярко-алая матовая помада. Лера, не стесняясь, обвела Глашины губы далеко за естественный контур, превращая их в пухлые, капризные пельмени. Финальным аккордом стали румяна. Лера щедро, от всей души наложила пудру цвета бешеной фуксии на нежные девичьи щёки, хорошенько втерев их круговыми движениями.

Когда Лера отступила на шаг, Глаша выглядела вовсе не как роскошная модель с обложки глянцевого журнала, а как карикатурная девица, которая впервые в жизни дорвалась до маминной косметички в темноте. Чистая Марфушенька-душенька из сказки «*Морозко*», только в славянском городском антураже.

— Ну всё, дорогая, ты неотразима. Твой новый KPI — покорение сердец. Свободна, иди радуй целевую аудиторию! — Лера победно захлопнула косметичку.

Глаша, даже не догадываясь заглянуть в зеркало, счастливо, приторно-сладко улыbnулась. Она гордо выпрямила спину и, покачивая бёдрами под парчовым сарафаном, поплыла вдоль по деревне, будучи абсолютно уверенной, что теперь на её лице сияет точно такая же заграничная, неземная красота, как у Леры.

Но стоило княжне выйти на главную улицу Вербиц, как реальность нанесла сокрушительный удар. Соседские бабы при виде Глаши испуганно вскрикивали, роняли коромысла и судорожно крестились. Мужики у колодца ошарашенно протирали глаза, думая, что из Чёрного Бора выползло новое багровощёкое чудище Нави, а гулявший неподалёку Иван при виде такого «апгрейда» вообще икнул и спрятался за стог сена.

Лера, стоявшая у забора, ехидно хихикнула и крикнула ей вслед, сложив ладони рупором:

— Эй, Глаша! Забыла сказать! Косметика профессиональная, суперстойкая! Она обычной колодезной водой не смывается, только мицелляркой! Счастливого пути, звезда подиума!

Вдоволь напотешавшись, Лера с чувством выполненного долга вернулась в избу, где Матрёна как раз наварила свежей, ароматной пшённой каши на козьем молоке. Лера уселась за чистый стол, брызнула духами на ложку «для дезинфекции» и принялась с аппетитом уплетать деревенский завтрак.

Прошло ровно двадцать минут.

Дверь избы с грохотом распахнулась, и внутрь буквально ввалилась зарёванная, несчастная Глаша. Белила и румяна от слёз превратили её лицо в жуткую багровую маску, помада размазалась до ушей.

— Матрёна-а-а! Дай отвар чародейский! — в слезах взмолилась княжеская дочь, размазывая руками. — Не смывается дрянь заморская! Мужики крестятся, Ванька в сено зарылся,

батюшка из дома выгоняет, кричит — не моя ты дочь, а ведьма накрашенная! Сними порчу, Христа ради!

Лера не спеша отставила миску с кашей, поднялась, грозно уперев руки в бока шорт, и ледяным тоном отчеканила:

— А ты как думала, Аграфья? Это тебе не шуточки! А ну быстро делай отворот Лешего от меня! Я из-за твоих любовных интриг вторую ночь спать нормально не могу, шляется тут под окнами, багровыми фарами светит, спа-процедуры мне срывает! Иди прямо сейчас в лес и скажи своему древесному сталкеру, что ты всё перепутала, базы данных сбились, невеста не та!

Глаша от таких строгих требований завывала ещё громче, запричитав на всю избу так истошно и басовито, что Лера с ведьмой аж синхронно сжались, зажав уши руками, а чёрный кот пулей улетел под лавку. Этот девичий рёв мог мёртвого из могилы поднять.

— Ой, ладно, ладно! Заткнись, ради бога! Сорвёшь мне голосовые связки! — не выдержала Лера.

Она быстренько подскочила к чемодану и выудила оттуда маленькую, компактную пачку влажных салфеток для снятия макияжа.

— На, держи, не вопи только! — Лера сунула пачку Глаше прямо в мокрые руки. — Умойся вот этими салфетками. Смотри на меня и повторяй, показываю один раз для особо одарённых.

Валерия достала круглое дизайнерское зеркало, протянула его княжне и плавными, круговыми движениями продемонстрировала, как нужно очищать кожу. Глаша, шмыгая носом, судорожно принялась тереть свои огромные угольные брови и накрашенные за контур губы. Салфетки бережно, как по волшебству, растворяли суперстойкую косметику.

Уже через минуту сплошного бьюти-колдовства Глаша удивлённо замерла, разглядывая себя в зеркало. Её лицо снова стало чистым, светлым, а за счёт корейской пропитки салфеток кожа приобрела невероятный, сияющий эффект глубокого увлажнения и свежести.

Княжна ошарашенно потрогала свои мягкие щёчки, аккуратно спрятала зеркальце, а затем с искренним благоговением бухнулась Лере прямо в ноги, едва не задев кокошником её шлёпанцы:

— Ох, госпожа... Спасибо тебе великое! — восторженно зашебетала Глаша, сияя чистым лицом. — Не ведьма ты Навья, а чудо какое-то небесное! Настоящее чудо чародейское!

И, подхватив подол сарафана, счастливая княжеская дочь пулей выскочила за дверь, побежав обратно в деревню хвастаться перед Иваном своим новым «эффектом увлажнения».

Зов Чёрного Бора

Здесь лес не был похож на привычные людские перелески. Вековые, в три обхвата сосны уходили вершинами в свинцовое небо, закрывая землю от солнечного света плотным щитом из тёмной хвои. Повсюду высились исполинские папоротники в человеческий рост, а поваленные штормами древние дубы, обросшие толстым слоем изумрудного мха, казались уснувшими чудовищами. Воздух здесь был густым, прохладным, наполненным ароматом сырой древесины, багульника и едва уловимым, леденящим дыханием близкой Нави.

Посреди этой дремучей чащи, скрытый от смертных плотной стеной терновника, стоял дом Лешего. Снаружи он выглядел как живое продолжение самого леса — огромная избушка, искусно вплетённая в корни и ствол колоссального, засыхающего векового дуба. Вместо крыши её укрывал плотный ковёр из веток и папоротника, стены были сложены из просмоленных, почерневших от времени брёвен, а окна заменяли тонкие пластины прозрачного речного слюдяного камня.

Леший мерно вышагивал по звериным тропам, проверяя, всё ли в порядке в его зелёном государстве. Леший поправлял поваленные ветром гнёзда птиц, помогал застрявшему в буреломе медвежонку и мысленно давал нагоняй распалевшимся на болоте кикиморам. Люди деревни Вербицы обходили эти места за версту, и Хозяина леса это полностью устраивало

— он всегда держался от смертных подальше. Но привычный покой рухнул. Леший как раз осматривал столетнюю ель, как вдруг его правую руку скрутила такая яростная, обжигающая боль, что Хозяин леса глухо зарычал, заставив притихнуть всех птиц в радиусе версты. По его мощному предплечью поползли живые чёрные тени. На глазах Лешего на запястье потемнела, сплетаясь в тугую, монолитный ободок браслета, точь-в-точь похожий на колючие лозы Нави. Леший нахмурился, его глаза опасно блеснули. Он поднёс запястье к лицу, шумно втянул носом воздух и брезгливо поморщился. Пахло Навым проклятием, сушёной волчьей ягодой и чем-то совершенно чужеродным, приторно-сладким. — Колдовство — утробно пророкотал он, и от его голоса задрожали листья на кустах. Хозяин леса разозлился. Он попытался содрать этот непонятный чёрный браслет своими огромными когтями, пробовал применить встречную лесную магию, чтобы выжечь чужеродную заразу — но ничего не получалось. Навья метка намертво вросла в его суть, намертво связав с кем-то на другом конце леса. Худшее началось, как только наступила первая ночь.

Стоило солнцу скрыться за горизонтом, как метка на руке вспыхнула фиолетовым огнём. Леший в ту же секунду буквально лишился разума. Его вековая воля оказалась растоптана неведомой силой. Голову затуманило, а в груди поселился дикий, непреодолимый зов, который упрямо, словно на невидимой цепи, потянул его прочь из чащи — напрямик к ненавистой людской деревне.

Внутри себя, где-то в самой глубине затуманенного сознания, Леший прекрасно понимал: это ловушка. Это грязное, наколдованное чародейство, созданное, чтобы привязать его. Но противостоять магии взвара он не мог. Метка вела его вперёд. Оказавшись у околицы, он сквозь туман разума чётко чувствовал и видел сияющий, манящий силуэт своей вынужденной «невесты». Он понимал, что должен прийти, сломать любые преграды и забрать её к себе в дом — в свой древесный терем. А что уж делать с ней потом, как наказать за такую дерзкую привязку — он разберётся после, когда Навья магия отпустит его разум. Но первая и вторая ночь прошли абсолютно безуспешно. Стоило ему подойти к нужной избушке на окраине, как он наткнулся на глухую стену.

Ведьмина полынь, четверговая соль и мощные защитные заклинания Матрёны держали оборону намертво. На третью ночь Леший принял другой ход. Он был слишком горд, чтобы позволить какому-то заговору крутить собой как марионеткой.

Ещё до заката он вернулся в свой дом под дубом и приготовил особый, горький отвар из корней столетней осины и ледяной ключевой воды. Этот настой на время притуплял любую Навью привязку.

Как только стемнело и деревня Вербицы погрузилась в непроглядную ночную тьму, метка на запястье снова запульсировала, пытаясь пробудить в нём безумный зов и затуманить разум. Но Леший одним махом выпил готовый отвар. Горькая жидкость обожгла горло, возвращая ему ледяную ясность мыслей. Чувствуя, что воля снова принадлежит ему, Хозяин леса бесшумно подплыл к Чёрной опушке. Он не собирался атаковать. На этот раз он хотел посмотреть своими обычными, ясными глазами — без тумана магии — что же за существо посмело привязать его к себе и нарушить вековой покой Чёрного Бора.

Он не был тем замшелым, корявым чудищем со старых крестьянских сказок, которым бабы пугали непослушных детей. Хранитель Черного Бора оказался молодым, невероятно красивым и статным лесным владыкой. Высокий, широкоплечий, с сильным торсом, который едва прикрывала лёгкая мантия из тончайшего зелёного сукна и переплетённых лоз, он выглядел как истинный правитель своей стихии. Из-за его спины величественно вздымались роскошные олени рога, бережно обхваченные гибкими веточками лозы и свежими изумрудными листьями.

Его длинные, пепельные волосы, в которых кое-где загадочно проглядывали живые зелёные листочки, мягкими волнами падали на крепкие плечи. На благородном лбу, оттеняя его

бледную кожу, покоилась изящная диадема, искусно сплетённая из тонких древесных веточек и украшенная чистейшими зелёными камнями Нави. Они тускло сияли в темноте, точь-в-точь как его собственные глубокие, мудрые глаза, в которых сейчас застыло искреннее недоумение. А слегка заострённые уши, чутко ловящие каждый шорох Вербиц, делали его облик окончательно неземным. Леший остановился у заборчика, наклонив голову набок, и уставился своими багрово-зелёными глазами на ту самую бересту, которую Лера днём приколотила ржавым гвоздём. Хозяин леса, в отличие от деревенских, читать умел. Он долго и вдумчиво изучал угольные каракули:

«САЛОН КРАСОТЫ», «ПЕДИКЮР».

Взгляд лесного владыки скользнул по нарисованной шпильке и баночке с лучами. Он шумно втянул носом воздух. От бересты, да и от всего ведьминога двора, теперь пахло вовсе не полынью и гробовой травой, а умопомрачительно-сладкой смесью кокосового крема, спелой вишни и свежего кофейного скраба.

Леший нахмурился. Чёрный браслет-лоза на его запястье коротко пульсировал, подтверждая: та, что устроила этот бьюти-хаос на границе с его владениями — и есть его заговорённая невеста. Он укрытый густыми тенями старой ивы, бесшумно наблюдал за ведьминым двором. Благодаря горькому осиновому отвару туман Навьего проклятия наконец-то отступил, вернув лесному владыке ледяную ясность мыслей. И вовремя.

Деревянная дверь избушки тихонько скрипнула, и в тусклых, багрово-золотых лучах заходящего солнца на крыльцо вышла она.

Леший замер, ловя каждым движением своих заострённых ушей малейший шорох. Эта девица полностью, абсолютно отличалась от местных деревенских баб. На первый взгляд она была похожа на ведьму, но и от них в ней было разительное отличие — ни сутулости, ни холщовых лохмотьев, ни пугливого взгляда. На ней было короткое изумрудное платье из натурального шёлка. Тонкие бретельки подчеркивали хрупкие плечи, а подол едва доходил до середины бедра, безнадёжно нарушая все славянские приличия. Её угольно-чёрные волосы были безупречно выпрямлены и аккуратно заканчивались у самых плеч, поблёскивая в пред закатном свете. От неё пахло роскошным вишнёвым парфюмом и кокосом — запахами, которых Чёрный Бор не знал отродясь.

Лера ловко шагнула к покосившемуся заборчику и забрала оттуда маленький, выбитый от пыли коврик. Чёрный кот Матрёны, крутившийся рядом, ласково и сыто ластился у её ног, но вдруг резко замер. Почуввав присутствие Хозяина леса, животное мгновенно вздыбило шерсть, выгнуло спину дугой и яростно, предупреждающе зашипело в темноту под ивой. Валерия проследила за его взглядом, но в густых сумерках ничего не увидела. Она раздражённо вздохнула и потрепала кота за ухом:

— И что ты шипишь вечно, Аркадий Борисович? Нашёл на кого стресс сбрасывать. Иди молока попей и спать ложись, вот тебе коврик — на солнце прожарился, стерильный теперь, чистый клининг.

Она расправила шёлк на бёдрах и, сердито сдвинув безупречно подведённые брови, добавила в пустоту двора:

— Но если ваш этот Леший упрямый опять ночью припрётся и начнёт под окнами своим голосом выть — я за себя не ручаюсь! Лера решительно подхватила толстую сухую палку, валявшуюся у забора, и с размаху, с яростным задором принялась околачивать придорожную крапиву. Зелёные стебли со свистом разлетались в разные стороны.

— Вот так ему бока побью! — приговаривала Валерия, нанося сокрушительные удары по сорнякам. — Прямо по его древесной кочерыжке! Ишь ты, сталкер лесной, моду взял — честных отпускников по ночам гипнотизировать! Устрою я ему дедлайн!

Леший, стоявший в шаге от неё, внимательно наблюдал за этим яростным фитнесом. Но его взгляд быстро переместился на её правое запястье. На руке чётко виднелась Навья метка.

Только здесь, на воле, под вечерними лучами, чёрные лозы разрослись уже до самого локтя. Чернильные вены медленно, зловеще шевелились под её нежной кожей, пульсируя фиолетовым Навым огнём.

Лесной владыка нахмурился, его глаза опасно сузились, и он глухо, едва слышно прошипел себе под нос пару крепких лесных ругательств. Навья магия связала их намертво.

Теперь он собирался лично выяснить, зачем эта странная коротковолосая девица сначала приворожила его заговорённым взваром, а теперь, как ни в чём не бывало, машет палкой и обещает побить самого Хозяина Чёрного Бора. Это дерзкое, невиданное поведение его даже слегка сместило. Леший гордо расправил свои широкие плечи, поправил диадему с зелёными камнями и приготовился сделать шаг из тени. Он был абсолютно уверен: как только эта городская фифа увидит его истинный, грозный облик с оленьими рогами — она тут же изрыдается, как и все смертные, упадёт на колени и будет в слезах умолять отпустить её душу живой. Леший, гордо вскинув увенчанную оленьими рогами голову, решительно шагнул из густой тени старой ивы прямо под багровые лучи заходящего солнца. Он приготовился явить смертной всю свою первобытную, пугающую мощь. Сделав несколько размашистых, величественных шагов к крыльцу, лесной владыка уже протянул руку с длинными когтями, чтобы перехватить девицу за запястье и насладиться её паническим визгом. Но Валерия его даже не заметила. Сделав финальный замах палкой по последнему кусту крапивы, она победно фыркнула, развернулась и легкой, порхающей походкой зашла в избу. И прямо перед самым носом наступающего Лешего, буквально в паре сантиметров от его идеального бледного лица, не глядя, с глухим стуком захлопнулась дверь. Бам.

Засов с той стороны уверенно щёлкнул. Леший так и застыл на крыльце с протянутой рукой, ошарашенно хватая ртом воздух. Он опешил, переводя взгляд с закрытых досок на свои когти, и несколько секунд просто молча смотрел на дверь, не веря в происходящее. Поняв, что штурмовать заговорённый ведьмин косяк без зова магии бесполезно, Леший упрямо нахмурился. Он сошёл с крыльца и бесшумно пошёл вокруг дома, намереваясь, как и в прошлые ночи, заглянуть в мутное маленькое оконце, чтобы напугать девку своими багровыми глазами. Оказавшись у стекла, он прильнул к нему лицом... и снова наткнулся на глухую стену.

Внутри избушки было ровным счётом ничего не видеть. Упрямая и практичная Лера ещё днём во время своего тотального клининга повесила туда плотную, непроницаемую шторку из старого холщового мешка, перекрыв Лешему всякий доступ к визуальному контенту.

Лесной владыка на мгновение опешил, а потом даже тихонько, искренне рассмеётся в своей голове. Ситуация становилась абсурдной. За все триста лет его правления ему ещё ни разу не предстояло вот так вот изощрённо выманивать непрошеную, свалившуюся с неба невесту. Эта девка явно играла по каким-то своим, неизвестным Нави правилам.

Не желая сдаваться, Леший снова попробовал применить магию леса. Он закрыл глаза, призвал ночной ветер, заставляя сосновые ветви яростно заскрежетать по крыше, и попытался насладиться внутри избы морок тумана, чтобы выманить девицу наружу. Но всё пошло наперекор ему! Ведьмин круг из соли держал оборону, а плотная штора Леры сводила на нет любые лесные иллюзии. Магия Чёрного Бора просто бессильно билась о стены.

Поняв, что весь его хтонический арсенал потерпел полный крах, Леший вздохнул, поправил рога и не нашёл ничего лучшего, как просто подойти к крыльцу, вежливо согнуть указательный палец и трижды, чисто по-человечески постучать в дверь.

Тук. Тук. Тук.

Глава 10

Переговоры на пороге и дедлайн от Хозяина

— Да кого там ещё принесло на ночь глядя?! — бурча ругательства и шлёпая тапочками Лера решительно подошла к входу. — Иван, если это опять ты, я точно выпишу тебе штраф за преследование должностного лица!

Она с размаху дёрнула засов и распахнула дверь. Фраза «приёмные часы окончены» застряла у неё в горле. Прямо перед собой в проёме Лера упёрлась взглядом в массивную, рельефную и вызывающе полуобнажённую мужскую грудь. Одежда незнакомца — если эти переплетения зелёного сукна и лоз вообще можно было назвать одеждой — едва прикрывала мощный торс.

— Ох... — только и смогла выдохнуть Лера, сглотнув. Мозг на секунду выдал короткое замыкание от такого внезапного мужского стриптиза премиум-класса.

Но стоило ей поднять взгляд выше, как вся романтика улетучилась. В полумраке наступающей ночи на неё в упор смотрели два глубоких, мистических и едва красноватых глаза. Лера испуганно пискнула:

— Ой!

Она инстинктивно попыталась с силой захлопнуть дверь, но не тут-то было. Леший среагировал мгновенно. Его сильная рука с длинными когтями коршуном перехватила её запястье — прямо то самое, где зловеще пульсировала чёрная лоза. Лесной владыка резко, властно дёрнул девушку на себя, заставляя перешагнуть порог.

— Яша! — в панике закричала Лера, пытаясь упереться пятками в половицы. — Яша, спасайте! Что за гиганты у вас тут полуголые среди ночи совращают честных сотрудников холдинга?!

Она судорожно задрала голову вверх, пытаясь рассмотреть лицо нападавшего, и её взгляд упёрся в роскошные, раскидистые оленьи рога, обхваченные листьями, и диадему с зелёными камнями на лбу.

— Мамочки... — окончательно сдувшись, пропищала Валерия.

Ужас перед рогатым эльфом-переростком на секунду сковал её, но профессиональная привычка договариваться с самыми буйными клиентами быстро взяла своё. Лера сердито сдвинула брови и выдала порцию ночного быти-маркетинга:

— Слушайте, мужчина! Ну уже спать всем пора, одиннадцатый час на дворе! Имейте совесть и трудовой кодекс! Завтра днём приходите, по предварительной записи, мы вам... это... тоже красоту наведём! Рога ваши лозой модной обернём? Приходите в приёмные часы!

Она принялась изо всех сил дёргать руку, пытаясь вырваться из его стальной хватки, и во всю глотку звать ведьму:

— Матрёна! Бабуля! У нас тут форс-мажор на объекте! Нарушение границ!

Из глубины избы, тяжело кряхтя и шурша юбками, наконец-то выскочила перепуганная Матрёна. Завидев Хозяина леса, старуха лихорадочно замахала руками, пытаясь оттеснить его от девки:

— Ступай прочь, Леший-батюшка! Не губи душу невинную! Ошибка это, сбой в чародействе! Не её Агашка заваривала, не её Навь тебе в невесты прочила! Оставь девку, иди в свои болота!

Леший даже не шелохнулся. Его бледное, благородное лицо оставалось холодным, а заострённые уши чутко поймали ведьмино причитание. Он крепче сжал Лерино запястье, и его глубокий, утробный голос заставил задрожать стёкла в окнах:

— Метка есть? Есть. Нить магии, что тащит меня к ней сквозь весь Чёрный Бор, есть? Есть. Значит... забираю. Навь своё взяла, и я своё возьму.

Лера, понимая, что её сейчас уташат в дремучую чашу прямо в чём есть, судорожно затараторила, включая все свои навыки антикризисного пиара:

— Да подожди ты, друже! Ну куда ты торопишься, проект же не согласован! Потерпи малёк, мы с Яшей скоро снимем эту чёртову метку, аннулируем контракт, базу данных обнулим! Ну дай мне хотя бы время чемоданы собрать! У меня там патчи корейские, аптечка, фен с диффузором... Как я без приданого-то в твою берлогу поеду?! Смилуйся, перенеси дедлайн!

Леший пристально посмотрел в её испуганные, но по-прежнему дерзкие глаза. Навья метка на его руке жгла кожу, требуя подчиниться, но осиновый отвар всё ещё давал ему ясность ума. Он медленно, опасно прошипел ей прямо в лицо:

— Даю тебе три дня... Сама не явишься в Чёрный Бор — умрёшь. Навь шутить не любит.

А после чего он резким, молниеносным движением свободной руки дёрнул её за выпрямленные чёрные волосы. Лера вскрикнула, а лесной владыка с силой вырвал одну её угольную прядку и крепко сжал её в своём кулаке, запечатывая новый договор.

— Три дня... — глухо повторил он, и его багровый взгляд в последний раз скользнул по её ногам.

Леший резко развернулся и в одно мгновение растворился в нахлынувшем ночном тумане, оставив после себя лишь густой запах сырой хвои и леденящего Навьего холода.

Дверь избы захлопнулась от порыва ветра. Лера и Матрёна остались стоять в полумраке, опешив и испуганно глядя на пустой порог. Тишину нарушил лишь тихий шорох кота, вылезающего из-под лавки.

Лера медленно повернула голову к ведьме, судорожно потирая запястье, где лоза на коже на мгновение затихла.

— Эй... Яшь... — сиплым, обиженным голосом протянула Валерия, округлив глаза. — А ты чё раньше-то мне не сказала, что ваш Леший — это вообще ни разу не трухлявый пень?! Какого... ты его корягой обзывала?! Да у него же фигура, как у фитнес-тренера года! Лицо — чистый люкс! Статный, широкоплечий...

Но, не успев договорить, Лера случайно опустила взгляд вниз и осмотрела саму себя. На ней была обычная пижамка. Поняв, в какой дурацкой, стрёмной и абсолютно неэстетичной «пижаме» она только что предстала перед самым красивым мужчиной этого мира, Лера вспыхнула до самых ушей.

Она мысленно отругала себя за такую нелепость и полный провал дресс-кода на важных переговорах. Схватившись за голову, Лера смущённо пискнула и пулей скрылась в глубине тёмной избушки, пообещав себе, что к следующей встрече с Хозяином леса её быти-образ будет безупречен на все сто процентов.

Лесьяр, стремительно возвращался к своим дремучим владениям. Ночной туман послушно расступался перед его широкими плечами, но в голове лесного владыки царил настоящий хаос. Он размашисто шагал по потайным звериным тропам, то и дело раздражённо сжимая кулак, в котором всё ещё бережно прятал вырванную угольно-чёрную прядку волос.

— Навь тебя побери, девка окаянная — глухо бурчал Лесьяр под нос, сбивая мощным рогом нависшую сосновую ветку. — Что это вообще за чудо заморское?! Откуда она свалилась на мою голову?

Он нахмурился, и его заострённые уши недовольно дёрнулись. Всю дорогу до своего древесного терема Лесьяр вёл яростный внутренний монолог, безуспешно пытаясь разложить по полочкам то, что только что произошло на ведьмином крыльце.

Она совершенно, ни капли не похожа на местных девиц из Вербиц! — сердито думал он. — Те при виде меня бледнеют, в ноги падают, режут как белуги и креститься начинают, словно я сам Кощей бессмертный. А эта?! Вырядилась в какой-то лоскут, едва срам прикрывающий,

ноги голые И ведь ни капли страха в очах! Стоит, руками в бока упёрлась и отчитывает меня, Хозяина вековой тайги, как провинившегося лешака! Что за слова чудные — «запись», «конфиденциальность», «дедлайн»? Какое ещё полено трухлявое?! Да я её одним пальцем раздавить мог!

Лесьяр резко замер посреди чащи, тяжело дыша. Перед его мысленным взором, как назло, снова вспыхнул её образ в багровых лучах заката.

«И ладно бы просто кричала Но эти её глаза — Лесьяр зажмурился, чувствуя, как метка на запястье снова запульсировала. — Большие, шальные, зелёные. Они ведь не просто смотрели. Они словно манили к себе, околдовывали сильнее Навьего взвара, и одновременно одновременно били хлесткой плетью прямо по спине этим её колючим, невыносимым нравом! Дерзкая. Гордая. Гордячка коротковолосая».

На губах лесного владыки вдруг сама собой промелькнула мимолётная, непривычная ухмылка. Он вспомнил, как смешно она брыкалась, как требовала время на сборы каких-то «чемоданов». Лесьяра это искренне, глубоко забавляло. Ему ещё никогда не бросали столь наглый вызов.

Но уже в следующую секунду он яростно встряхнул пепельными кудрями, прогоняя наваждение, и его лицо вновь сделалось пугающе серьёзным.

— Тьфу, морок болотный, — прорычал он.

Лесьяр наконец добрался до своего дома, искусно вплетённого в корни исполинского дуба. Он вошёл внутрь, швырнул кусок шёлка на дубовый стол и принялся мерить шагами просторную горницу. Навья метка-браслет на руке больше не жгла огнём, притуплённая осинovým отваром, но сам факт её существования бесил Хранителя.

Он сел на лавку, подперев голову кулаком, и крепко задумался. Ему отродясь не нужна была невеста — ни покорная деревенская, ни уж тем более эта сумасшедшая городская девка на резиновых подошвах. Лесьяр веками жил в гордом, величественном одиночестве, оберегая покой леса, и понятия не имел, как вообще нужно вести себя с женщинами, а тем более с такими ураганами, как эта. О чём с ней говорить? Как усмирить этот пыл?

Тяжело вздохнув, Лесьяр подошёл к своему ложу, застеленному мягкими шкурами диких зверей и сухим ароматным папоротником. Он устало опустил на перину, закинул руки за голову, уставившись в тёмный потолок из переплетённых ветвей, и прикрыл свои глубокие, уставшие глаза.

— Три дня — едва слышно, глухо прошептал лесной царь в темноту терема. — Посмотрим, как ты запоешь, когда твой дедлайн наступит, Навья невеста.

Глава 11

Логистический ад и отмена записи

Все последующие два дня в избушке Матрёны звенели такие отборные офисные ругательства, что чёрный кот предпочитал вообще не слезать с печи, а сама Яша тихонько крестилась, перебирая маковые головки. Валерия пребывала в состоянии жесточайшего стресса. Времени до дедлайна, выставленного рогатым фитнес-тренером Лесьяром, оставалось всё меньше.

Лера с утра до вечера занималась тем, что с остервенением собирала свои огромные ярко-розовые чемоданы и тут же, в приступе ярости, разбирала их обратно, проклиная Хозяина леса на чём Навь стоит.

— Да я что, совсем чёкнутая, что ли, туда ходить?! — взрывалась Лера, швыряя на кровать шёлковую пижаму и яростно упирая руки в бока. — Какая ещё берлога?! Какой Чёрный Бор?! Я секретарь крупного столичного холдинга, у меня три высших курса по конфликтологии! Чтобы я сама, добровольно, своими ногами пошла сдаваться какому-то лесному сталкеру с оленьими рогами?! Да пускай он подавится моей Навьей меткой! Шашлык из него сделаю! На дрова распилю! Не пойду!

Она со злостью вытряхивала из чемодана косметичку, но уже в ту же секунду замирала, глядя на зловеще шевелящиеся чёрные лозы, которые доползли уже почти до самого плеча. Руку неприятно обжигало могильным холодом Нави. Лера бледнела, судорожно сглатывала и принималась лихорадочно закладывать вещи обратно в баул.

— Нет, ну я что, дура помирать в двадцать четыре года?! — бормотала она, запихивая в чемодан патчи и фен. — Сама же эта рогатая модель сказала: не явишься — умрёшь! Навь шутить не любит! А у меня ещё ипотека в Москве не закрыта и отпуск безнадежно сгорел! Помирать мне по графику вообще не положено, у меня этот пункт в тайм-менеджменте отсутствует! Придётся ехать в эту древесную командировку, разгребать факап на месте!

Вжих! Вжих! — молнии на розовом пластике застёгивались и расстёгивались с частотой швейной машинки.

В таких высокоинтенсивных сборах Валерия незаметно дошла до вечера второго дня. Украина Вербиц к этому моменту уже вовсю гудела. Местные девчонки, прослышав от увлажнённой Глаши про «чудо-салон», начали робко стягиваться к забору с берестяной вывеской, сжимая в кулачках мёд и яйца для оплаты.

Лера вышла на крыльцо в своих неизменных лосинах, устало поправила крабик на затылке и строго крикнула притихшей на дорожке целевой аудитории: — Так, девочки! Расходимся! От ворот поворот! Все записи на бьюти-модификацию, пилинг и стрелки временно отменяются! Офис закрывается на спецобслуживание! У меня тут, знаете ли, срочная командировка в филиал Чёрного Бора намечается! Буду проводить аудит лесного хозяйства и оптимизировать личную жизнь одного рогатого стейкхолдера! Всем спасибо, все свободны! Жалобы и предложения оставляйте Яше!

Девки испуганно переглянулись, Глаша в толпе разочарованно шмыгнула носом, а Лера решительно захлопнула дверь.

Утром третьего дня, как только первые лучи солнца коснулись макушек Чёрного Бора, Лера решительно поднялась с постели. Дедлайн, выставленный рогатым фитнес-тренером, наступил. Обратный отсчёт Леркиного терпения и Навьей магии подошёл к концу.

Валерия подошла к зеркалу и критически осмотрела себя. На ней снова было роскошное изумрудное шёлковое платье на тонких бретельках. На ногах красовались чёрные туфли на шпильке — да, ковылять по корням будет адски больно, но выйти к Лесьяру в кроссовках

после его пафосного ночного визита гордость ей не позволяла. Образ должен быть безупречен на все сто процентов.

Она попыталась пальцами и ведьминым деревянным гребнем хоть как-то усмирить своё чёрное каре, вытягивая пряди у лица.

— Эх, Яша... Жаль, у вас тут электричества нет, — со вздохом проговорила Лера, со злостью откладывая гребень. — Ни фен подключить, ни утюжок для выпрямления... Всё понапрасну привезла! Лежит в бауле мёртвым грузом. Бизнес-класс, блин, а элементарных розеток в номерах не предусмотрено! Придётся брать Лесьяра чистой харизмой и естественным объёмом.

Она решительно застегнула замки обоих ярко-розовых чемоданов, поправила сумочку-клатч через плечо и уверенно взялась за выдвижные ручки. Матрёна, стоявшая у печи, испуганно шмыгнула носом и потянулась было проводить городскую гостью до околицы, но Лера властно подняла ладонь с идеальным маникюром.

— Так, бабулечка-седулечка, стоп, — строго отчеканила Валерия. — Не провожай меня, лишние слёзы на объекте ни к чему. Я скоро вернусь. Проведу экспресс-аудит лесного терема, согласую с этим рогатым красавцем условия расторжения нашего Навьего контракта — и назад. Держи кота в тонусе, мажь руки кокосовым кремом и не скучай. Вечером проверим отчёты!

С этими словами Лера решительно толкнула дверь и с грохотом покатила свои розовые танки по деревянному крыльцу прямо в сторону мрачной стены Чёрного Бора. Навья метка на её предплечье, разросшаяся уже почти до плеча, приятно и прохладно жгла кожу, чётко указывая нужное направление, словно встроенный навигатор премиум-класса.

Глава 12

Шагнув под своды Чёрного Бора, Лера сразу поняла, что её встроенный навигатор на запястье работает отлично, а вот местная дорожная инфраструктура — как всегда, ниже критического уровня. Солнечный свет едва пробивался сквозь плотные кроны вековых сосен. Вокруг высились папоротники в человеческий рост, а под уцелевшими тонкими шпильками то и дело предательски хрустели сухие ветки и расползался мокрый мох.

Лесьяр в это время привычно обходил свои владения. Укрытый густыми тенями столетних елей, он мерно вышагивал по звериным тропам, как вдруг тишину чащи бесцеремонно нарушил до боли знакомый, звонкий и яростный голосок. Громкое сопрано столичной секретарши разнеслось по округе с такой силой, что с веток с диким криком сорвалась целая стая испуганных ворон.

— Леший! Сталкер ты рогатый! — кричала Лера на весь лес, сердито пиная крошечный гриб носком туфли. — Явилась я! Дедлайн закрыт, проект на объекте! Ты почему меня на входе не встречаешь, а?! Навигация на нуле! Я что, по-твоему, должна интуитивно догадываться, в какой стороне твоя древесная VIP-зона находится?! Где трансфер до терема, мужчина?!

Хранитель леса замер, скрывшись за широким стволом старого дуба. Его заострённые уши удивлённо дёрнулись, а на губах сама собой появилась непривычная, весёлая ухмылка. Лесьяр ещё какое-то время заворожённо следил за ней из тени деревьев, искренне усмехаясь над этой невиданной Навьей невестой. Валерия являла собой зрелище поистине уникальное: роскошное изумрудное шёлковое платье на тонких бретельках то и дело цеплялось за кусты дикой малины, каре слегка растрепалось без утюжка, а сама она забавно крутила головой по сторонам. Лера то и дело пошатывалась, отчаянно переминаясь с ноги на ногу на своей странной, высоченной обуви, и с трудом удерживала равновесие, но при этом упрямо тащила за собой два огромных, вызывающе-розовых пластиковых чемодана.

Вдруг Лесьяр поймал себя на мысли, что он стоит посреди собственного леса и уже непозволительно долго, глупо улыбается, разглядывая чужестранку. Лесной владыка мгновенно напустил на себя суровый вид, шумно прокашлялся, заставив затрепетать листья на кустах, и величественно вышел из тени прямо к ней — во всей своей неземной, рогатой красе.

Лучи солнца, пробившись сквозь ветви, красиво осветили его пепельные длинные волосы, диадему с зелёными камнями и широкие, мощные плечи. Лера от неожиданности замерла. Оказавшись на свету лицом к лицу со своим «проклятием», она тут же смерила его ошарашенным, долгим взглядом. На её порозовевших щёчках впервые проступило лёгкое, чисто девичье смущение. Вблизи, без ночного тумана, Лесьяр выглядел настолько сногшибательно и мужественно, что Лере на секунду показалось, будто у неё в сумочке закипели все корейские патчи.

Она судорожно сглотнула, опустила взгляд на его кубики пресса и, попытавшись вернуть себе строгий офисный тон, сдавленно проговорила:

— Мужчина... Вы бы оделись, что ли, поприличнее для официальных переговоров. Я, конечно, женщина свободная, независимая, но... У нас в холдинге за такой внешний вид на рабочем месте сразу штраф выписывают. Излишнее искушение для сотрудников!

Лесьяр лишь молча, смерил её холодным взглядом своих багрово-зелёных глаз, в которых всё ещё читалась лёгкая насмешка.

— Пошли, — коротко, утробно бросил лесной царь и, не говоря больше ни слова, резко развернулся к ней спиной, направляясь в глубь чащи.

— Эй, жених! — тут же возмущённо прокричала Лера ему в спину, аж шёлк платья на груди натянулся. — А приданое моё, кто нести будет?! Пушкин?! А руку подать даме, нару-

шитель ты этикета?! Я же ноги себе напрочь переломаю в твоём нечёсаном лесу! Тут корень на корне, ландшафтный дизайн вообще ниже плинтуса!

Лесьяр на секунду приостановился, медленно обернулся через плечо, окинул её и два огромных пластиковых баула нечитаемым, царственным взглядом и... молча пошёл дальше, мерно покачивая раскидистыми оленьими рогами.

Лера от такой вопиющей неклиентоориентированности яростно зашипела, выпуская Навью ярость сквозь безупречно накрашенные губы.

— Ну зашибись! Галантность просто на высшем уровне! — шипела Валерия, хватаясь за ручки чемоданов. — И зачем я только шёлк надевала, расчёсывалась, туфли эти дурацкие натягивала?! Зря только старалась перед этим древесным чурбаном! Настоящий абьюз и неуважение к труду личного помощника!

Пыхтя от натуги, ругаясь на чём Навь стоит и забавно ковыляя на шпильках по мокрому мху, Лера потопала следом за пепельноволосым красавцем, изо всех сил таща за собой свои розовые танки.

Они наконец добрались до его живого терема, искусно вплетённого в корни исполинского, векового дуба. Лера, успевшая мысленно подготовиться к худшему — к сырой пещере, летучим мышам и ковру из гнилых листьев — удивлённо замерла на пороге. Внутри деревянного жилища оказалось на редкость чисто, тепло и даже уютно. Пахло сухой хвоей, мёдом и прогретой древесиной. В очаге приветливо потрескивал огонь, а на широких лавках лежали аккуратные, пушистые шкуры.

Валерия опустила ручки чемоданов, огляделась и искренне выдала:

— Слушай... А у тебя тут непаханое поле для дизайна. Чисто, тепло, сухо... Если честно, вообще не ожидала от одинокого мужчины такого порядка. Мой бывший шеф в своём кабинете устраивал большой хаос, чем ты посреди дремучей тайги.

Но в следующую секунду, когда Лесьяр величественно прошёл мимо неё, едва не задев потолочную балку своими роскошными оленьими рогами, Лера поймала себя на мысли, что находится наедине с неизвестным существом. В её больших зелёных глазах впервые промелькнул самый настоящий, искренний страх. Она сглотнула, сделала шаг назад к своим розовым баулам и тихо, осторожно спросила:

— Слушай, а... тебя вообще можно считать мужчиной? Ну, в биологическом смысле? Или ты... кто-то иной? Существо высшего порядка, дух, стихия? У тебя просто рога, диадема, уши эти острые... Мне нужно понимать, с кем я имею дело, ради базовой безопасности на переговорах.

Лесьяр лишь высокомерно фыркнул, и его заострённые уши недовольно дёрнулись от такого глупого вопроса. Он смерил её нечитаемым взглядом и царственным жестом указал ей заходить глубь горницы, мол, нечего на пороге сквозняк устраивать.

Лера прошла к столу, но упрямо остановилась, скрестив руки на груди:

— Так, ладно, раз уж мы теперь сожители по контракту, давай соблюдать элементарный корпоративный этикет. Тебя как зовут-то вообще, чудище лесное? Моё имя — Валерия. Для друзей и адекватных клиентов — просто Лера. Личный помощник, кризис-менеджер и твоя случайная головная боль. А ты у нас кто?

Лесной владыка не спеша повернулся к ней, и зелёные камни в его диадеме тускло блеснули в полумраке терема.

— Лесьяр, — глубоким, бархатным и на удивление красивым голосом ответил он. — Хранитель Чёрного Бора.

— Лесьяр, значит... Ну, будем знакомы, — Лера с явным облегчением плюхнулась на широкую дубовую лавку, блаженно вытягивая уставшие от шпилек длинные ноги.

Она поправила шёлк изумрудного платья на коленях, деловито постучала идеальным чёрным ногтем по деревянной столешнице и сразу перешла к делу:

— Короче, Лесьяр. Давай быстрее разрывать этот твой Навий контракт. Обнуляем базы данных, делаем отворот-поворот, стираем эту татуировку с моей руки — и я поехала. Тянуть время некому, у меня жёсткий тайм-менеджмент. Мне сегодня вечером с Яшей ещё грибы сушить и мухоморы по фракциям раскладывать, у нас запуск нового быюти-проекта горит! Так что давай, выдавай свои условия расторжения, и расходимся как в море корабли!

Лесьяр ошарашенно замер посреди собственной горницы, глядя на то, как новоиспечённая невеста с ходу пытается уволить его из её собственной жизни. Он сделал шаг к столу, грозно нависая над расслабленно сидящей девушкой, и глубоким, рокошущим голосом спросил:

— Коли ты так яростно жаждешь разорвать Навью нить, зачем же ты сама сотворила этот приворот? Зачем заговорила взвар и выпила, привязав мою волю к своей?

Лера от такой несправедливой претензии аж подскочила на лавке. Её зелёные глаза яростно блеснули:

— Что?! Это всё ваша местная Глашка тыквоголовая напортачила! Она эту ягодную гадость заварила, чтобы другую соперницу — Любаву — тебе в чашу подарить и Ивана своего освободить! А я просто мимо из Шереметьево пролетала и чисто случайно на неё срикосетила! Информационные базы у твоего Навьего навигатора сбились, понял?! Я — случайный соискатель, меня на эту вакансию никто не утверждал!

Она снова плюхнулась на лавку, закинула ногу на ногу и критически осмотрела пепельноволосого красавца сверху вниз. Лера хитро прищурилась и выдала:

— Слушай, Лесьяр... А у тебя тут что, вообще так туго с невестами в лесу, что местные девки только через криминальные привороты к тебе идут? Вроде парень ты видный: красивый, сильный, пресс вон какой рельефный, жилплощадь в экологически чистом районе под дубом имеется... Правда, бывшая у тебя, судя по всему, была знатно гулящая. Ты посмотри, какие роскошные рога тебе наставила! Целая люстра на голове!

Лера не выдержала и сама же звонко, заливисто рассмеялась своей собственной шутке, невероятно довольная тем, как тонко она прошлась по его лесному имиджу.

Но Лесьяру было вообще не смешно. От такой вопиющей, невиданной наглости лесной владыка яростно нахмурился, и в его глазах вспыхнул багровый огонь Нави. Деревья за стенами терема грозно зашумели, откликаясь на его гнев. Он со стуком опустился на лавку прямо напротив неё, тяжело опёрся локтями о дубовый стол и плотно сложил мощные руки на груди, буравя городскую нахалку ледяным, непреклонным взглядом.

Фиолетовые искорки гнева в его глазах медленно угасли, уступая место какому-то странному, глубокому и пугающему спокойствию. Он медленно подался вперёд, обдав Леру прохладным запахом дикой мяты и прелой хвои, и на его бледных губах заиграла опасная, тягучая ухмылка.

— Посмотрим на твои рожки, невеста, — тихо, вкрадчиво усмехнулся лесной царь, и его заострённые уши едва заметно дрогнули. — Когда поживёшь тут десяток лет. Навь — она шутить не любит. Погляжу я, как ты запоёшь, когда твои волосы мхом обрастут, а вместо этого, он ткнул в ее наряд когтем, ты в крапиву нарядишься.

Лера, которая как раз собиралась победно отпить воображаемый коктейль из своей офисной чашки, тут же подавилась собственным смехом, испуганно глядя на него.

Картина того, как она, Валерия, лицо приличного московского рекламного холдинга, через десять лет бегает босиком по болотам с папоротником в волосах и ветками вместо шпилек, моментально стёрла с её лица

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.